

ПОѢЗДКА
ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Аванасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКИ ДНѢПРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 мар- 1861 года.

Ценсоръ *Е Волковъ*.

41

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА БЫТЬ ПРИДНѢПРОВСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

Командированный морскимъ начальствомъ, съ цѣлью описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру, я повсемѣстно встрѣчалъ малорусовъ, а потому въ первой статьѣ считаю необходимымъ представить въ общихъ чертахъ бытъ этого племени, которое, промѣнявъ пику и саблю на плугъ и косу, мирно занимается своими промыслами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ еще столѣтіи разыгрывались страшныя кровавыя драмы.

Исторія Южной Руси, особенно послѣ нашествія татаръ и до присоединенія ея къ Московскому государству, у насъ извѣстна немногимъ. Даже лица, занимающіяся отечественною исторіею, обращаютъ на это вниманіе вскользь, а нѣкоторые критики не такъ еще давно позволяли себѣ неумѣстныя насмѣшки надъ цѣлымъ малорусскимъ племенемъ, не знаю уже съ какой цѣлью. Но добрая, гостепріимная Малороссія, слившаяся навсегда съ Сѣвѣрною Русью, имѣла свою исторію, краснорѣчивыя страницы которой—стоятъ и просвѣщеннаго вниманія, и теплаго участія. Народъ, вслѣдствіе политическихъ событій присоединившійся къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ, народъ, который, бывъ угнетаемъ польскою аристократіею и принуждаемый обратиться въ католичество, возсталъ повсемѣстно, и отбившись отъ угнетителей, присоединился къ единовѣрному и единоплеменному народу, я полагаю, имѣть право на безпристрастіе историка. Если какомунибудь господину, положимъ и славянину, но не русскому, и кажется, что малорусы были польскими холодами, то это еще не доказываетъ, что дѣло было такъ дѣйствительно. Хотя это обстоятельство и видно у польскихъ историковъ прежняго вре-

мени, однако мы очень хорошо знаем—въ какой степени можно вѣрить польскимъ историкамъ касательно этого обстоятельства. Если иной господинъ, занимающийся исторіей, видитъ въ козачествѣ цѣль безпорядковъ, а въ козакахъ, особенно въ запорожцахъ, буйную, развратную вольницу, такому господину извинительно, потому что онъ видѣлъ малорусовъ, можетъ быть, только на столичной сценѣ, а исторію этого народа пробѣгалъ по напечатаннымъ въ разное время компиляціямъ, въ которыхъ почти ничего не говорится о внутреннемъ бытѣ края. Тѣ и другія мнѣнія нельзя назвать безпристрастными, и если первое изъ нихъ носить на себѣ отпечатокъ племенной ненависти къ Малороссіи, то другое грѣшитъ противъ истины и даетъ нѣкоторымъ образомъ понятіе объ ограниченности взгляда. Минули тѣ времена, когда Малороссія, неуспѣвшая окрѣпнуть послѣ смуты и раздоровъ, конвульсивно иногда схватывалась за мысль о самостоятельности. Со времени Петра I-го она выздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло, и тихо, счастливо течетъ по назначенію въ огромный лиманъ Руси, вливающейся въ океанъ человѣчества. Къ чему же въ наше время всѣ эти выходки? Разными правдами и неправдами можно натянуть выводъ, что Малороссія никогда не была независима, но выводъ этотъ будетъ весьма непроченъ, имѣя противъ себя весьма важныя данныя; между тѣмъ ни одно изъ племенъ, населяющихъ нашу громадную Имперію, не нуждается, можетъ быть, столько въ защитѣ противъ несправедливыхъ нападковъ, какъ малорусское. Пусть благоразумные люди и отдаютъ ему должную справедливость, однако многіе ли изъ благоразумныхъ вникали въ исторію этого племени, и кто же занимался основательнымъ изученіемъ быта этого добраго народа, который и до сихъ поръ у большинства слыветъ еще народомъ, способнымъ лишь играть роль въ какомъ нибудь комическомъ разсказѣ. Касаются ли исторіи Малороссіи, тотчасъ находятъ необходимость доказать, что она не существовала; захотятъ ли предетавить смѣшнымъ языкъ малоруса, исковеркають русскія слова и воображаютъ, что сдѣлали дѣло; придется ли кому изобразить смѣшнаго глупца, берутъ малоруса, не заботясь даже хотъ мелькомъ взглянуть на бытъ его, бытъ оригинальный, стоящій внимательнаго изученія.

Постараюсь сдѣлать самый краткій очеркъ исторіи Южной

Руси,
шива
кото
жило
Руси
состо
цевъ,
поло
70 л
прив
Два
литов
и не
и по
и упр
гетма
лось
Мало
глаеі
Велѣ
укора
призн
гнали
дѣло
екой
черед
этого
главѣ
прест
ную
мя на
возни
изъ м
мѣстѣ
съ не
покол
Лойол
дарети
и про

Руси, но считаю не лишнимъ замѣтить, что у насъ вообще смѣшиваютъ исторію Малороссіи съ исторіею Сѣчи, или Запорожья, которое хотя и имѣло большое вліяніе на дѣла края, однако жило совершенно отдѣльною жизнію. Когда южныя области Руси подверглись нападенію Татаръ, и удѣльные князья не въ состояніи были противиться многочисленнымъ полчищамъ ордынцевъ, послѣдніе завладѣли нашимъ государствомъ. Но южная полоса съ помощію литовцевъ освободилась отъ Татаръ чрезъ 70 лѣтъ, и присоединилась къ Литвѣ на извѣстныхъ правахъ и привилегіяхъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Два соединенные народа жили безъ особыхъ споровъ, пока литовскій князь Ягелло не женился на польской королевѣ Ядвигѣ, и не соединилъ подъ одинъ скипетръ литовцевъ, малорусовъ и поляковъ. Всѣ эти три народа составляли одно государство и управлялись, каждый, своими собственными вождями или гетманами. Вскорѣ обнаружился духъ партій: полякамъ захотѣлось первенства, и они, а также и литовцы, начали считать Малороссію подвластною, завоеванною страню. Возникли несогласія, и жалобы со стороны малорусовъ дошли до короля. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось укорять малорусовъ въ томъ, что литовцы ихъ освободили, но признано было, что оба эти народа соединенными силами прогнали татаръ за предѣлы отечества. Легко можетъ быть, что дѣло остановилось бы на этомъ, и дальнѣйшее развитіе польской государственной жизни, безъ сомнѣнія, пошло бы своимъ чередомъ, еслибы перстъ Божій не указалъ настоящей судьбы этого страннаго государства, считавшагося республикой, но въ главѣ которой стояли короли, словно нанимавшіеся сидѣть на престолѣ, и аристократія котораго употребляла самую страшную деспотію въ отношеніи къ низшимъ сословіямъ. Въ это время на островахъ Днѣпровскихъ, среди пустынь и степей уже возникло козачество, имѣвшее свою организацію и состоявшее изъ малорусовъ. Объ этой военной общинѣ скажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упоминаю только потому, что оно имѣетъ связь съ исторіею Южной Руси. Извѣстно, что когда ученіе Лютера поколебало папскую власть, учредился орденъ послѣдователей Лойолы для поддержанія этой власти, и всѣ католическія государства, въ томъ числѣ и Польша, едѣлались игрушкою умныхъ и пронырливыхъ Іезуитовъ. Страшно приподымать завѣсу про-

шедшаго надъ вѣками религіозныхъ преслѣдованій, инквизиціи и обращенія мечемъ и огнемъ въ католичество, не только невѣрныхъ, но и послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій,—однако нельзя не сказать, что Польша въ этомъ случаѣ превзошла въ свирѣпости даже Испанію, гдѣ фанатизмъ выходилъ далеко за предѣлы вѣроятія. Іезуиты обратили особенное вниманіе на области Южной Руси, населенной народомъ православнымъ, и, понимая, что малорусовъ невозможно прямо обратитъ въ католичество, изобрѣли унію, т. е. присоединивъ нѣкоторые догматы римской церкви къ греческому исповѣданію, допустили Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, съ подчиненіемъ уніатовъ власти папы. Нововведеніе это взволновало все области, населенныя православными. Стоитъ заглянуть въ исторію Уніи Бантышъ-Каменскаго, чтобы убѣдиться сколько Поляки рѣзали, жгли, четвертовали и мучили самымъ страшнымъ образомъ малорусовъ, желая обратитъ ихъ въ уніатовъ, и какъ все это дѣлалось во имя Христа, не далѣе XVI и XVII столѣтій!

Подобно всемъ странамъ и въ Малороссіи нашлись люди, которые вещественныя блага цѣнили выше небесныхъ— и перешли прямо въ католичество. Разумѣется, католическое исповѣданіе было господствовавшимъ, и многіе изъ вельможъ, древнихъ княжескихъ родовъ, какъ то: Святополки, Четвертинскіе, Сангушки и др. перемѣнили вѣру для того, чтобы имѣть значеніе при дворѣ. Глядя на нихъ и дворяне, менѣе важные, сдѣлали тоже самое, отчего свирѣпство уніи стало гораздо ощутительнѣе, ибо некому было вступаться за народъ. Польское духовенство неистовствовало, принуждая простолюдиновъ къ принятію уніи. Кровавыя эти событія извѣстны изъ лѣтописей, не только русскихъ, но и изъ польскихъ, въ которыхъ хотя малорусы и названы «взбунтовавшимся холопствомъ», и хотя по словамъ этихъ хроникъ, одинъ полякъ побѣждалъ десятки козаковъ,—однако сами польскіе лѣтописцы пренаивно рассказываютъ, что со столькихъ-то малорусскихъ старшинъ содрали съ живыхъ кожу, такихъ-то батали въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, такихъ-то рѣзали по суставамъ.... И это все происходило иногда на площадяхъ варшавскихъ, въ столицѣ образованныхъ магнатовъ, посѣщавшихъ дворы европейскихъ государей! Испытывая подобныя тиранства, малорусы жаловались королямъ, но, не получая удовлетворенія, повсемѣстно подняли ору-

жіе. Появились вожди, по большей части изучившіе военное ремесло на Запорожьѣ, куда почти каждый молодой человекъ отправлялся козаковать, — потребовали помощи Запорожцевъ, всегдашнихъ поборниковъ православія, и послѣ страшной рѣзни, происходившей съ переменнымъ счастьемъ, именно въ гетманство Богдана Хмельницкаго, Малороссія свергла съ себя иго поляковъ, выгнала католическое духовенство и стала на такую степенъ, что къ гетману начали присылать пословъ иноземные государи, приглашая его съ народомъ подъ свое покровительство. Прозорливый Богданъ, котораго прахъ развѣяли метильные поляки, и которому нѣтъ никакого памятника, предпочелъ всѣмъ Русь православную, и отдался со всѣмъ народомъ Московскому Государю на вѣчныя времена, видя въ одномъ только этомъ соединеніи будущее благо своей родины. Вотъ первая и важнѣйшая часть исторіи Южной Руси. Значить, съ тѣхъ поръ какъ Косинскій и Наливайко, благородные гетманы, мученическою смертию заплатившіе за оборону края, возставали противъ утѣснителей, и до присоединенія къ Великой Россіи край этотъ нисколько не былъ подчиненъ Польшѣ, составлявшій съ нею прежде государство, не какъ завоеванная область, но какъ страна, существовавшая на условіяхъ: «какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ». Лучшимъ доказательствомъ этому служить отвѣтъ короля Владислава IV Богдану Хмельницкому, просившему защиты отъ утѣсненій: «У васъ есть сабли, отвѣчалъ король, и вы можете сами защищать себя, а я не въ силахъ». Выпадали промежутки, когда казаки бывали побѣждаемы, и временные побѣдители удвоивали свои жестокости, но Малорусы снова торжествовали и отбили отъ своихъ лютыхъ преслѣдователей. Не касаюсь здѣсь никакихъ другихъ вопросовъ, не стану выставять какъ во время этихъ войнъ польское правительство нарушало клятвы и измѣннически умерщвляло старшинъ малорусскихъ, но скажу одно: можно ли пройти безъ вниманія эти святыя войны за вѣру, и благородное, храброе племя называть взбунтованными польскими холопами! Между тѣмъ это мнѣніе было высказано печатно, и писавшій его былъ твердо убѣжденъ, что могъ безнаказанно потѣшаться; ибо вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на малорусовъ, нельзя было печатно же доказать этому господину всего безстыдства возмутительной клеветы. Конечно лѣтъ около двадцати назадъ это еще могло пройд-

ти даромъ какому нибудь господину, но въ наше время подобныя выходки караются всеобщимъ презрѣніемъ, и священныя страницы народной исторіи останутся священными, не смотря на грязь, бросаемую въ нихъ пристрастіемъ, вѣющимъ польскою ненавистью,—или неумѣстнымъ рвеніемъ: изъ всѣхъ силъ доказать, что Малороссія никогда не имѣла никакого значенія. Если современные ученые мало еще разработали исторію Южной Руси, то будущія поколѣнія, подвергая безпристрастному суду матеріалы, составятъ исторію этого края, и выставятъ въ настоящемъ свѣтѣ разборъ «Исторіи Малороссіи Н. Маркевича», напечатанный въ Б. для Ч.—какъ образецъ небывалой недобросовѣстности въ наукѣ. Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго, когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами? Неужели же малорусы такъ просты, что не понимаютъ вещей, и наконецъ не стыдно ли изъ какихъ нибудь видовъ стараться искажать исторію, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости?

Вторая половина исторіи Малороссіи до уничтоженія гетманства представляетъ уже мало интереса. Смуты, продолжавшіяся въ ней до шведской войны, довольно грустны; я не буду здѣсь, по краткости, входить въ причины. Моею главною цѣлью было очеркнуть только историческій ходъ дѣлъ въ Южной Руси, изъ котораго можно было бы судить о томъ, что такое малорусъ, надъ которымъ любятъ потѣшаться иные пріятыя разсказчики, незнающіе подчасъ ни быта, ни языка, ни исторіи народа, надъ которымъ потѣшаются. *Хохолъ* и *хохляндія*, часто встрѣчающіеся въ печати или устныхъ анекдотахъ, играютъ довольно жалкую роль, и служатъ предметомъ комическихъ разсказовъ. Не знаю, многимъ ли извѣстно происхожденіе этого названія. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи, московскія войска дѣйствовали соединенными силами съ украинскими, то при столкновеніи двухъ племенъ необходимо должны были возникнуть и споры о превосходствѣ одного передъ другимъ, и появиться различныя прозвища, къ чему способны и то и другое. Въ Малороссіи и донынѣ еще сохранился обычай подбривать чубъ, оставляя клокъ волосъ, именуемый *оселедцемъ* (сельдь), и по этому-то обстоятельству Великорусь называла Украинца *хохлою*, за что въ отмщеніе получилъ названіе *кацапа*. Это была также своего рода насмѣшка, остав-

шаяся
ловья
вотъ
въ Ма
М
тый,
язык
слѣд
дома
благ
лют
де х
ки и
но р
свою
Х
казк
жащ
ским
поч
вы,
съ
как
уѣд
кото
рост
дять
этом
ло
кони
пре

М
язы
О

шаяся до настоящаго времени. Малорусы брѣютъ бороды, а чело-
вѣка съ бородою кому-то пришлось назвать *цаномг* (козель)—
вотъ откуда возникло это названіе, повсемѣстно употребляющееся
въ Малороссіи.

Малорусскій народъ, тихій, добрый и необыкновенно домови-
тый, рѣзко отличается отъ своего сѣвернаго собрата типомъ,
языкомъ, одеждою, нравами и обычаями, и если уступаетъ по-
слѣднему въ промышленности, то превосходитъ въ удобствахъ
домашней жизни, имѣя для этого всѣ средства, предоставляемыя
благораствореннымъ климатомъ. Превосходныя пастбища дозво-
ляютъ ему заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ; изоби-
ліе хлѣба даетъ возможность держать домашнюю птицу, а рѣ-
ки и рѣчки, протекающія по обширной территоріи, чрезвычай-
но рыбны, и доставляютъ средства малорусу разнообразить
свою пищу.

Хотя обликъ этого племени и принадлежитъ къ типу кав-
казкому, однако оно не похоже на великорусское, принадле-
жащее къ тому же типу, а имѣетъ болѣе сходства съ азіят-
скими народами, и когда, удаляясь отъ большихъ городовъ и
почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ, встрѣчаешь бритыя голо-
вы, на которыхъ оставленъ лишь небольшой чубъ, то сходство
съ кавказскими горцами становится 'поразительно. Малорусъ,
какъ сказано выше, брѣетъ бороду (исключая нѣсколькихъ
уѣздовъ Харьковской и Черниговской губерній, да кромѣ нѣ-
которыхъ стариковъ, допускающихъ это украшеніе). Усы у него
ростутъ внизъ въ естественномъ направленіи и часто дохо-
дятъ до огромной величины, что придаетъ воинственный видъ
этому племени, которое, впрочемъ, еще не такъ давно остави-
ло оружіе. Интересенъ куплетъ одной пѣсни, сочиненной въ
концѣ прошлаго столѣтія, въ которой выражается сожалѣніе о
прекращеніи войнъ:

Да вже шаблі поржавіли,
Мушкети безъ курківъ,
А все серце козацькее
Небоітьця Турківъ.

Мнѣ кажется, куплетъ такъ понятенъ каждому незнакомому съ
языкомъ, что переводъ его былъ бы совершенно излишнимъ.

О языкѣ малорусскомъ еще до сихъ поръ существуютъ у

насъ различныя мнѣнія, и хотя II Отдѣленіе Академіи Наукъ признало его за отдѣльное нарѣчіе и приобрѣло у меня словарь этого нарѣчія, начатый Академіею въ 1854 году, однако это нисколько не мѣшаетъ многимъ считать его испорченнымъ языкомъ великорусскимъ. Между тѣмъ кто серьезно занимался отечественнымъ словомъ, кто понимаетъ дѣло, тотъ не можетъ не принять въ соображеніе весьма важнаго обстоятельства, что малорусы, искони обитавшіе по Днѣпру и его побережьямъ, слѣдовательно прямые потомки Славянъ, до христіанской эпохи жившихъ на этихъ мѣстахъ,—должны же были наследовать языкъ отъ предковъ. Нельзя же предположить, чтобы сѣверныя и южныя отрасли Славянъ говорили однимъ нарѣчіемъ, и чтобы Сѣверная Русь сохранила его, а Южная измѣнила до степени нынѣшняго! Что языкъ церковный не былъ разговорнымъ народнымъ языкомъ—объ этомъ даже говорить въ наше время будетъ лишнимъ, но что Славяне эпохи до-христіанской и до-татарской, не говорили, какъ говорятъ теперь Великорусы, въ этомъ тоже, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Конечно не говорили они и по малорусски, однако послѣднее нарѣчіе нельзя сказать, чтобы уже слишкомъ удалилось отъ первобытнаго источника. Къ сожалѣнію, мы такъ мало имѣемъ памятниковъ, чтобы рѣшать дѣло непогрѣшительно; однако въ нихъ встрѣчаются не только слова, а даже цѣлыя обороты, существующіе и донынѣ въ малорусскомъ языкѣ, которые подтверждаютъ вышесказанное предположеніе. При разборѣ Слова о Полку Игоря, переведеннаго г. Гербелемъ (Пантеонъ, 1854. № 5), мною были приведены нѣкоторыя мѣста изъ «Слова», доказывающія сходство не только въ оборотахъ, но даже въ способѣ выраженія, съ старинными козацкими малорусскими пѣнями, извѣстными подъ названіемъ *Думъ* у насъ въ литературѣ. Не беру на себя смѣлости говорить утвердительно, однако не могу не высказать убѣжденія, возникшаго у меня вслѣдствіе долго-временныхъ занятій нарѣчіемъ племени, къ которому принадлежу. Пѣвецъ «Слова», воспѣвавшій подвиги Игоря, не долженъ быть простымъ безграмотнымъ воиномъ. Напротивъ, онъ былъ чело-вѣкъ образованный по тогдашнему, и не импровизировалъ пѣсни, какъ импровизировалъ ее козакъ малорусскій, а обдумалъ и сочинилъ на заданный себѣ предметъ. Въ то время, да и гораздо позднѣе, образованіе истекало у насъ изъ монастырей

отъ духовенства. Вскорѣ послѣ перевода книгъ на церковно-славянскій языкъ, все грамотные люди, принимаясь за перо, невольно подражали библейскимъ оборотамъ, и вотъ почему «Слово о Полку Игоревѣ» написано не на языкѣ народномъ. Примѣровъ этому искать недалеко. Даже въ настоящее время, когда книжный тяжелый языкъ почти забытъ, а все стараются писать живымъ разговорнымъ языкомъ, встрѣчаются, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, мѣста не только сбивчивыя, но даже темныя, оттого, что человекъ, принимаясь за перо, не пишетъ просто какъ думаетъ и какъ дѣло складывается у него въ головѣ, но старается щегольнуть цвѣтистыми выраженіями, и для этого употребляетъ слова совершенно излишнія. Древній пѣвецъ не вездѣ однако же выдерживаетъ церковно—славянскій языкъ, и въ минуты вдохновенія у него льется живая рѣчь, и народный языкъ пробивается наружу. —

Съ открытіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятниковъ малорусской письменности, какъ то: «Лѣтопись Самовидца», «Лѣтопись Самуила Величка», многіе указываютъ въ нихъ на частыя польскія слова и говорятъ, что прежнее малорусское нарѣчіе изобиловало полонизмами. На это можно сказать, что во времена позднѣйшія, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ—оно отзывалось еще и русицизмами,—однако изъ этого нельзя выводить смѣлаго заключенія, что малорусы употребляютъ великорусскіе обороты. Малороссія была присоединена къ Польшѣ, а потомъ съ половины XVII столѣтія къ Московскому царству. Весь грамотный людъ т. е. лица, преимущественно занимавшіяся, писменною частью, прежде старались употреблять польскіе обороты, а потомъ великорусскіе. Вотъ почему ни эти лѣтописи, конечно любопытныя для историка, ни эти акты не должны входить въ расчетъ филолога. Возьмемъ настоящую эпоху и возьмемъ не только официальную бумагу сельскаго писаря, но даже его частное письмо. Въ первой онъ старается писать по-русски, и лишь изрѣдка проскакиваютъ у него малорусскія слова; во-второмъ онъ пишетъ по-малорусски, но щеголяетъ книжными великорусскими выраженіями. Неужели же чрезъ столѣть филологъ, по этимъ памятникамъ, долженъ будетъ дѣлать заключеніе, что въ 1860 году, въ Малороссіи не существовало уже особенное малорусское нарѣчіе, но что народъ и говорилъ, и писалъ почти по-русски? Считаю неумѣстнымъ и недобросо-

вѣстнымъ говорить бездоказательно, привожу нѣсколько примѣровъ изъ документовъ письменныхъ и устныхъ, для сличенія.

Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы судить о древности той или другой народной пѣсни; но, мнѣ кажется, нельзя однако же не признать древними отрывковъ изъ пѣсень въ честь нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, не совершенно еще исчезнувшихъ на иныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Празднованіе Купала уже достаточно для подтвержденія словъ моихъ, — слѣдовательно куплетъ изъ подобной обрядной пѣсни можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что языкъ этой пѣсни весьма древній:

Доналімо та соломоньку,
Та ходімо та до домоньку!
Лежи, лежи та Купалочку,
Въ червоному та багаттячку.

А вотъ образчикъ канцелярскаго слога 1654 года, — отрывокъ изъ письма гетмана Хмельницкаго въ Кошъ о желаніи отдаться подъ покровительство Государя Московскаго:

«Гдижъ ми яко махину войны зъ Поляками зачинали не безъ воли и совѣта Вашего, братъ нашой, такъ и сего не меншого дѣла, о протекци помененной Московской, безъ Вашего-жь соизволеня и поради чинити не хочемъ; и любо уже учинилисмо о томъ зъ совѣтомъ старшины нашой до Его Царскаго Пресвѣтлого Величества и Самодержца Всероссійскаго одозвъ нашъ, однакъ безъ вѣдома и соизволеня Вашего, дѣла того кончити не будемъ. Рачте теди Вашмость Мосцѣ Панство, безъ найменшого odkладу ретельній на первое обширное писаніе наше учинити къ намъ респонсъ, пильно и повторне жадаемъ, и Ихъ же въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ. (Лѣтопись Самуила Величка, т. I, стр. 167—168).

Отрывокъ изъ отвѣта Коша Запорожскаго Богдану Хмельницкому:

«На письмо Ваше Гетманское обширное, прошлого лѣта до насъ писаное, не учинилисмо отвѣта до сего времени для того, же твоя Гетманская Мосцѣ зо всеъмъ войскомъ Козацкимъ зоставалъ чрезъ все лѣто въ Полщи и на Подолію подъ Жванцемъ, въ чомъ просимъ вельце Вашей Гетманской Мосцѣ вибаченя; а теперь на помененое письмо Ваше Гетманское отвѣтуючи,

выражаемъ сіе, ижъ ми оное совершенно зрозумѣли, и нетилько зъ писма того познаемъ, але и ясно видимъ нашима очима, же уже намъ зъ Поляками, *якз зъ змією комуь фостз отьченій илмущю* отнюдъ згодится и до першой прійти пріязни не возможно; поневажъ они всему злу и войнѣ будути початкомъ и причиною, и чрезъ шестолѣтнюю войны операцію видячи якъ въ коронѣ своей; такъ и въ Украины нашей Малороссійской доволніе попели зъ поселеніи людскихъ и костій людей войною побитыхъ по полямъ лежачіе, ни мало своего сердца не хотять смягчити, и переставши своей гнѣвной завзятости къ намъ, до первой, при утверженіи давнихъ правъ и свободъ нашихъ, прійти пріязни и згоди. Теди и ми большей отъ сего времени о ихъ пріязнь Вашей Гетманской Мосецъ старатися не радимъ, а замысль Вашъ, що удатися и бути зо всемъ народомъ Малороссійскимъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію Великодержавнѣйшого и Пресвѣтлѣйшого Монархи Россійского, за слушній бити признаваемъ, и даемо нашу войсковую Вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизнѣ нашей Малороссійской и всего войска Запорожскаго. (Тамъ же, стр. 168—169).

Не принявъ во вниманіе вышеприведеннаго мнѣнія, можно заключить, что малорусскій языкъ той эпохи изобиловалъ полонизмами. Если ссылаться на подобные факты, то чужеземецъ, не вникнувшій въ дѣло, выведетъ такое же заключеніе и о русскомъ языкѣ временъ Петра Великаго, наполненномъ иностранными выраженіями. Представивъ образчикъ канцелярскаго языка временъ Богдана Хмельницкаго, я привожу старинную пѣсню на смерть того же самага гетмана, сложенную бандуристомъ, вѣроятно, чрезъ нѣсколько дней по кончинѣ «Батька» любимаго всею Україною. Мнѣ кажется, что не найдется человекъ, который заподозрилъ бы подлинность этихъ пѣсень, съ трудомъ собранныхъ совѣстливыми учеными и любителями, какъ гг. Срезневскій, князь Цертелевъ, Лукашевичъ и Максимовичъ, а потому онѣ будутъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ народнаго языка извѣстной эпохи. Въ приводимой пѣснѣ нѣтъ ни одного чужаго слова, и хотя она не заключаетъ въ себѣ поэтическаго достоинства, однако прекрасныя послѣд-

нія строки ея замѣчательны по художественной простотѣ, вѣщоущей истинною поэзією

«Закурилася Хмельницького сідала голова:

«Що при ёму ни сотниківъ, ни полковниківъ нема;

«Часъ приходить умірати,

«Нікому поради дати!

«Повлигне вінъ на Івана Луговського

«Писаря військового

«— Іванъ Луговський,

«Писарь військовий!

«Скоріше біжи,

«Да листи пиши,

«Щобъ сотники, та полковники до мене прибували,

«Хоть мало пораду давали».

«То Іванъ Луговський,

«Писарь військовий,

«Листи писавъ,

«До усіхъ розсилавъ.

«То сотники, полковники якъ ихъ прочитали,

«Усе повидали

«До Гетьмана Хмельницького скорішъ прибували.

«То Гетьманъ добре ихъ приймає,

«Словами промовляє:

«— Панове—молодці! добре ви дбайте,

«Собі гетьмана наставляйте;

«Во я старъ, болію,

«Більшъ гетьманомъ не зділюю...»

«Коли хочете, панове, Антона Волочая Киевського,

«Або Грицька Костира Миргородського,

«Або Хвилона Чичая Кропивьянського,

«Або Мартина Пушкаря Полтавського».

«То козаци тее зачували,

«Смутно себе мали,

«Тяжко воздыхали,

«Словами промовляли:

«— Нетреба намъ Антона Волочая Киевського,

«Ні Грицька Костира Миргородського;

«Ні Хвилона Чичая Кропивьянського,

«Ні Мартина Пушкаря Полтавського;

«А хочемъ ми сина твого Юруся молодого,

«Козака лейстрового!»

«— Вінъ, панове-молодці, молодий розумъ має,

«Звичаївъ козацькихъ не знає».

«— Будемъ ми старихъ людей біля ёго держати,

«Будуть вони ёго научати:

«Будемъ ёго добре поважати,

«Тебе батька нашого гетьмана споминати!»

«То Хмельницький тее зачувавъ, великую радість мавъ

«Сідою головою поклонъ одававъ,

«Слѣзи проливавъ.

«Скоро після того ще й гірше Хмельницький знемогавъ;
 «Опрощення зо взіми приймавъ,
 «Милосердному Богу душу отдавъ.
 «То не чорні хмари ясне сонце заступали,
 «Не буйні витри у темнімъ лузі бушували,
 «Козаки Хмельницького ховали,
 «Батька свого оплакали».

(Сборникъ Украинскихъ народныхъ пѣсень, М. Максимовича, стр. 77—80).

Въ позднѣйшихъ малорусскихъ официальныхъ бумагахъ замѣтно вліяніе языка великорусскаго, а между тѣмъ народный языкъ и пѣсни все тѣ же, что и въ древнѣйшую эпоху. Многіе изъ земляковъ моихъ пробовали писать по-малорусски, но попытки эти предпринимались для пріятнаго препровожденія времени земляковъ, а не, — какъ полагають нѣкоторые, — для развитія малорусской литературы. Малороссія, слившаяся съ Великою Русью, дружно шла съ послѣднею по пути развитія, и не одинъ малорусъ былъ замѣчательнымъ дѣятеlemъ на поприщѣ русскаго слова. Но если образованное сословіе приняло и усвоило себѣ рускій языкъ и общеевропейскіе обычаи, то простолюдинъ сохранилъ все свое, и потому и языкъ его остался такимъ, какимъ былъ въ незапамятное время. Не желая перефразировать высказаннаго прежде, я привожу одно мѣсто изъ предисловія къ моему словарю:

«Занимаясь очень долго изученіемъ этого нарѣчія, я имѣлъ случай прослѣдить его на всемъ пространствѣ, и замѣтилъ въ немъ нѣсколько оттѣнковъ: *A)* языкъ чистый заключается въ губерніяхъ: Полтавской, Екатеринославской, въ южныхъ и восточныхъ (приднѣпровскихъ) уѣздахъ Кіевской губерніи, въ южныхъ уѣздахъ Черниговской и въ Херсонской губерніи, а также и въ Черноморіи. *B)* Нарѣчіе съ преобладаніемъ полонизмовъ: въ Подольской, Волынской и остальныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи — весьма близкое къ червонорусскому. *C)* Нарѣчіе харьковское въ Харьковской, въ части Воронежской и Курской губерній, произошедшее отъ червонорусскаго, въ которое вошли однако же нѣкоторыя измѣненія, вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ Великою Россією. Сюда же относятся и Земля Войска Донскаго (Харьковская губернія населена выходцами изъ-за Днѣпра, принесшими свой выговоръ) и *D)* нарѣчіе черниговское, въ сѣверныхъ

уѣздахъ Черниговской губерніи, сильно отзывающееся бѣлорусскимъ.

«Я помѣстилъ въ своемъ словарѣ все слова, существующія въ малорусскомъ нарѣчїи, приведя ихъ въ азбучный порядокъ, хотя конечно найдутся слова, которыя могли ускользнуть отъ меня по какому бы то ни было случаю. Все выраженія, почему нибудь могущія показаться странными, я подкрѣпляю строфами изъ народныхъ пѣсень, въ доказательство, что они существуютъ въ народѣ. Я внесъ на страницы словаря даже остатки затерянныхъ глаголовъ, что, замѣчу мимоходомъ, служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ древности языка. Сколько, на примѣръ, потребно времени, чтобы утратился глаголь, оставляя одно лице повелительнаго склоненія, каковы: *ке*, дай, *кѣте*, дайте; *геть*, поди прочь, *гѣтьте*, подите прочь? Есть нѣсколько словъ, неупотребительныхъ уже въ разговорѣ, но они существуютъ въ древнихъ пѣсняхъ, — слѣдовательно служили долго, и въ свое время были необходимы.

«При этомъ нельзя не замѣтить, для людей любознательныхъ, которые вздумали бы сами наблюдать языкъ въ устахъ народа; нельзя, повторю, не замѣтить въ видѣ предостереженія, что малорусь, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, выходя изъ нормальнаго состоянія, создаетъ, импровизируетъ слова, которыя за частую умираютъ въ тотъ же мигъ, а иногда повторяются нѣкоторое время на извѣстномъ разстояніи. Но слова эти легко различить тонкому наблюдателю и разумѣется знатоку нарѣчїя. Иногда глаголь можетъ поразить филолога, если послѣдній не знакомъ съ краемъ и его особенностями. Такъ, на примѣръ, придется услышать фразу: *Я тебе посковороджу*, слѣдовательно должно записать глаголь: *сковородить*, между тѣмъ какъ его нѣтъ и въ поминѣ. Какимъ же образомъ изъ существительнаго *сковорода* составился глаголь? Разгадка очень проста. Ребенокъ, играя со сковородой, роняетъ ее и разбиваетъ какую нибудь вещь. Мать видитъ, и начинаетъ бранить дитя: *зачѣмъ ты разбилъ?*—Это не я, отвѣчаетъ ребенокъ, а упала сковорода.—*Ось я тебе посковороджу!* т. е. вотъ я уже накажу тебя!»

Одежда малорусовъ, какъ мужская такъ и женская, какъ лѣтняя такъ и зимняя, несколько не похожа на великорусскую, отъ рубахи до шапки; да и самая обувь совершенно другаго по-

брюя. Рубаха у малоруса непременно полотняная съ маленькимъ воротомъ, часто вышитымъ, завязывающимся посрединѣ сууркомъ или лентой, надѣвается подъ шаровары. Штаны себѣ онъ шьетъ чрезвычайно широкіе, особенно въ *матиль* (шагъ), опускающейся часто ниже колѣнъ, и непременно съ карманами (кишеня). У болѣе богатаго штаны бываютъ пестрядинные (пистря), у иныхъ выбойчатые, зимою суконные; всѣ они стягиваются *очкуромъ*, вдѣваемымъ изнутри. Малорусъ опускаетъ свои штаны въ голенища. Верхнихъ одеждъ у него нѣсколько. Самая легкая лѣтняя—это суконная *юпка* (родъ пальто), сѣрая или бѣлая съ цвѣтными выпушками и застегивающаяся кожаными пуговками. Потомъ слѣдуетъ *каптанокъ* (полукафтанъ) тоже суконный, и это по большей части принадлежность парубка (парня) или и женатаго, въ первые годы брака. Сверхъ каптанка или юпки, а зимою сверхъ кожуха надѣвается *свита* (родъ армяка), или *кирея* (широкая свита съ капишономъ), или *кобенякъ* (таже кирея, но менѣе полная). Всѣ эти роды одежды болѣе или менѣе одинаковы на всѣхъ мѣстностяхъ, различествуя лишь иногда украшеніями, исключая сѣверной части Малоросіи (нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, гдѣ простолюдины не только одѣваются, но и говорятъ по-бѣлорусски). Капишонъ (*видлога*, *кобка*, а въ иныхъ мѣстахъ *богородиця*) бываетъ различныхъ формъ, но имѣетъ одно общее назначеніе защищать голову отъ непогоды, потому что, надвинувъ его на шапку, нечего бояться ни слякоти, ни мятели: онъ охраняетъ голову не только сзади, но и съ боковъ, представляя отверстіе лишь спереди. Попадаются и жупаны, но какъ исключеніе, потому что эта одежда уже вывелась изъ употребленія. Шапка у малоруса изъ мерлушекъ (смушки) черныхъ или сѣрыхъ, даже изъ бѣлыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень высокая, съ суконнымъ верхомъ, а въ иныхъ просто вся изъ мерлушекъ. Эта шапка носится постоянно во всѣ времена года; но бываютъ селенія, гдѣ въ обычаѣ носить лѣтомъ *бриль* (круглая шляпа съ широкими полями); встрѣчаются иногда *брили* соломенные, мѣстнаго производства, сплетенные довольно искусно. Зимою носятъ кожухи, которые бываютъ, смотря по состоянію, очень дорогіе, если сдѣланы изъ сѣрыхъ или ягнячьихъ мерлушекъ. *Чоботи* (сапоги) у малоруса богатаго бываютъ сафьянные (сапьянці) или изъ хорошей юфти, а у тѣхъ кто побѣднѣе—изъ воловьей кожи,

даже изъ лошадиной (шкапові). Покрой этихъ сапоговъ свой особенный, на широкой подошвѣ съ тупо закругленнымъ носкомъ, и безъ подбора, съ длинными *халявами* (голенище). Лѣтомъ многіе носятъ *черевики* (башмаки), надѣваемые на босую ногу. У самыхъ же бѣдныхъ, а у пастуховъ преимущественно, есть особая обувь, родъ кожаныхъ лаптей, *постолы*. Это четырехугольный кусокъ кожи, параллелограмъ, загнутый и скрѣпленный напередѣ, который имѣетъ по сторонамъ ремянные или веревочныя завязки, именуемыя *волоками* и обвязываемыя вокругъ ноги, поверхъ онучи. Лаптей малорусы не носятъ, за исключеніемъ упомянутыхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, похожихъ на Бѣлоруссію. Вотъ и весь уборъ. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что этотъ же самый нарядъ у пожилаго и у парня имѣетъ различіе, конечно не въ качествѣ матеріала, но въ покроѣ. Прилагательное *парубоцький* (свойственный, принадлежащій парню) обозначаетъ вещь красивую, ловко сдѣланную.

Малорусскій женскій нарядъ совершенно оригинальный. Рубахи, обыкновенно холстинныя, бываютъ, въ особенности у дѣвушекъ и *молодмицъ* (молодыхъ замужнихъ женщинъ), вышиты на рукавахъ и на подолѣ необыкновенно красиво. Вышитый подолъ называется *ляховка*. Это очень похоже на вышитыя юпки современныхъ щеголихъ образованнаго класса. Въмѣсто исподницъ, которыя впрочемъ усвоены горожанками и дворовыми помѣщичьими крестьянками,—простонародье обертываетъ станъ двумя кусками матеріи, привязывая ихъ поясомъ. Ткань эта носитъ двойное названіе: *плахта* и *запаска*. Первая бываетъ парчевая и шерстяная, въ клѣткахъ или цвѣтахъ; а вторая: а) обыкновенная шерстяная (запаски); б) *каламайка* (стаметь) и в) *квітчаста запаска*, кусокъ хорошей шерстяной или шелковой матеріи съ пестрыми цвѣтами. Какъ плахта такъ и запаска раздѣляются на двѣ половины, и задняя, надѣваемая прежде, зовется *позадниця*, передняя же, надѣваемая послѣ, въ родѣ фартуха—*попередниця*. Пояса бываютъ очень дорогіе парчевые и шелковые, но обыкновенно шерстяные и преимущественно красные. Лѣтомъ, въ особенности дома, малороссіянка остается въ этомъ костюмѣ, но въ другія времена года, и при выходѣ изъ дому, всегда у нея есть иные наряды. Лѣтомъ дѣвушки и молодыя женщины носятъ: а) *шрсетъ* (коротенькое пальто безъ рукавовъ); б) юпку такую же какъ и мужская, только гораз-

до ко
баеві
с) д
мѣст
торь
празд
но пр
вая
стѣ с
ленту
лѣтом
мѣста
зван
чевые
комъ.
ки.
туго
круг
лоску
му.
убор
мѣте
ной к
кожу
разли
кругл
Дѣт
увид
бы в
цовск
шьют
свою
Мат
пригот
менѣ
это у
дешеву
готовл
шіе ра

до короче и сшитою со сборками. У богатых юпки бывають *баеві* (байковыя) зеленыя съ красными мушками, и суконныя; с) длинную свиту тонкаго сукна съ усиками назади. Въ иных мѣстахъ сохранились еще, наслѣдіе прабабокъ, *кунтуши*, которые и надѣваются въ торжественные случаи или въ большіе праздники. Голову дѣвушки рѣдко гдѣ покрываютъ платкомъ, но преимущественно убирають ее *стричками* (лентами), обвязывая ихъ такимъ образомъ, чтобы концы виспадали сзади вмѣстѣ съ косою, въ которую тоже вплетены ленты (косники). За ленту, идущую вокругъ головы, затыкаются цвѣты, весною и лѣтомъ живые, въ прочія времена года искусственные. Въ иных мѣстахъ заплетаютъ волосы въ *дубушки* (мелкія косы) и связываютъ ихъ по срединѣ. Женщины носятъ *очипки* (чепцы) парчевые, ситцевые, полотняные и просто покрываютъ головы платкомъ. Въ иныхъ уѣздахъ сохранился еще обычай носить *намитки*. Это особенный родъ ткани (*серпанокъ*) очень жидкой, и туго крахмаленной, длинные куски которой обвиваются вокругъ чепца и спускаются на затылкѣ, ниже талии; небольшой лоскутъ прѣходитъ подъ бородою отъ одного виска къ другому. Уборъ этотъ нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ головной уборъ грузинокъ. Женскіе сапоги въ иныхъ мѣстахъ и разумѣется у богатыхъ, сафьянные, а по большей части обыкновенной кожи. Зимой и вообще когда холодно, женщины носятъ *кожушанку* (юпка на мѣху), и просто кожухъ, сшитый съ тѣмъ различіемъ отъ мужскаго, что воротникъ у него отложной полукруглый, и самый кожухъ дѣлается гораздо полнѣе.

Дѣтская одежда шьется обыкновенно на выростъ; нерѣдко увидишь крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ какъ бы въ чужое платье, хотя они зачастую прибѣгаютъ къ отцовскому и материнскому наряду. Впрочемъ, дѣтскую одежду шьютъ одни достаточные, а бѣдные люди отдають донашивать свою старую.

Матеріаль для одежды, за малыми исключеніями, малорусъ приготовляетъ дома, стараясь истратить на себя какъ можно менѣ денегъ; холстъ, сукно, кожа, овчины, мерлушки — все это у него свое, и шьется мѣстными ремесленниками за весьма дешевую, почти невѣроятную цѣну. Самые женскіе уборы приготовляются дома, хотя здѣсь конечно предстоятъ гораздо большіе расходы, принявъ во вниманіе, что во многихъ мѣстахъ

въ обычаѣ носить сафьянные сапоги. Ленты, монисты, узорныя или цвѣтныя запаски, добываемыя на ярмаркахъ, платки, кольца, сережки, приносимыя ходобщиками (великорусскими крестьянами), круглый годъ бродящими по Малороссіи, все это иногда стоить малороссіянкѣ всей ея экономіи, состоящей конечно изъ весьма ограниченной суммы. И мужчины, въ свою очередь, особенно парни, не могутъ обойтись безъ расходовъ: иному захочется купить городскіе сапоги, другому молодецкую шапку, тотъ мечтаетъ о добромъ поясѣ, и копить на него деньги, а иной истратитъ рубль ассигнаціями на кореньковую трубку въ красивой мѣдной оправѣ съ цѣпочкою и мѣдною протычкою.

Холстъ выдѣлывается изъ конопли и изо льна. По уборкѣ этихъ растений, и послѣ вымолота конопли, одинъ сортъ которой, *матірка*, бываетъ съ сѣменами, а также послѣ вымолота льна, женщины получаютъ ихъ въ свое полное вѣдѣніе. Первый пріемъ при этомъ случаѣ—намочить эти растенія въ водѣ, гдѣ они остаются столько времени, сколько нужно для удобнаго отдѣленія волоконъ отъ стебля,—и вынувъ ихъ, разостлать для просушки. Когда конопля и ленъ достаточно высохнутъ, ихъ перевозятъ или переносятъ домой, и бьютъ о жердн, поставленныя стоймя подъ острымъ угломъ, а въ иныхъ мѣстахъ (преимущественно ленъ) колотятъ на землѣ *праниками* (вальками). При этомъ производствѣ стебли собственно только ломаются и отдѣляется крупная кострика; но для очищенія волоконъ употребляются *терници* (терки), почти допотопнаго устройства. Изъ терокъ прядиво выходитъ уже въ очищенномъ видѣ и связывается въ *жмені* (извѣстнаго объема космы), которыя скручиваются въ *повісма*. У хорошихъ хозяекъ прядиво навивается на обручъ, и хранится въ кругахъ, съ которыхъ и сымается по мѣрѣ надобности. Изъ выдѣлываемаго такимъ образомъ прядива, женщины готовятъ *мички* (мочки), расчесывая его щеткою и гребенкою, и занимаются пряжею, по способу самому незатѣйливому, употребляя обыкновенный гребень (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Черн. и запад. губ., гдѣ употребляютъ кудель). Гребень этотъ представляетъ фигуру тонкой лопаты, въ широкомъ концѣ которой прорѣзаны зубья, и втыкается въ *днине*, въ дощечку, гладко выстроганную, на концѣ которой выдѣлывается для этого отвѣрстіе, въ небольшомъ порожекѣ. Наложивъ мочку такъ, что половина ея остается по

задне
начи
въ р
ками
дѣв
Напр
мото
сниц
насо
его,
крес
ки э
проп
ство
на о
пред
ный
по к
тые
спос
(ткач
кому
изъ д
стор
От
получ
здѣсь
девя
Кром
игра
хуст
нею б
Но
и льн
ки) п
льнян
выпря
ткуть
непере

задней части гребня, пряжа завивается послѣднюю, а первую начинаетъ прясть, навивая нитку на веретено, которое журчить въ рукахъ искусной мастерицы, и бывъ заверчено обѣими руками, долго кружится, наматывая на себя нитку, выводимую лѣвою рукою. Приѣмъ этотъ выражается глаголомъ *посукувать*. Напрявъ извѣстное количество, пряжа сматываетъ *починки* на мотовило, и считая по 5 нитки въ *чисницѣ*, и по десяти чисницъ въ *пасмѣ*, наблюдаетъ, чтобы на мотовилѣ выходило 25 *пасомѣ*, что составляетъ *півмітокѣ* (полмотка), и тогда сымаетъ его, и вѣшаетъ гдѣ нибудь на жердь. У козачекъ и казенныхъ крестьянокъ норма мотка 50 пасомѣ, а у помѣщичьихъ 60. Мотки эти сматываются потомъ на *витушки* въ клубки, бывающіе произвольной величины. Когда собирается достаточное количество пряжи, такъ что по соображенію хозяйки довольно уже на основу и на утокъ, она приступаетъ къ основѣ, на какой предметъ у порядочныхъ хозяекъ и есть *снівниця* (сновальный снарядъ) незатѣйливаго устройства. Это параллелограмъ, по короткимъ сторонамъ котораго вбиты деревянные загнутые крючки, на которыхъ и кладется пряжа извѣстнымъ способомъ. По окончаніи этой работы, хозяйка, если она *ткаля* (ткачиха), принимается сама за тканье, или передаетъ основу кому нибудь изъ своихъ, кто знаетъ это ремесло; но если никто изъ домашнихъ не можетъ ткать, то она относитъ матеріалъ на сторону и договаривается.

Отъ количества пасомѣ, употребленныхъ на основу, и холстѣ получаетъ свое названіе: девятки, десятки, двѣнадцатки и т. д.; здѣсь также принимается во вниманіе и качество пряжи: девятка толще десятки, десятка толще двѣнадцатки и т. д. Кромѣ холста, достаточные ткуть еще *ручники* (полотенца), играющіе важную роль въ жизни малорусской невѣсты, и *хустки* (платки), иными дѣвушками вышиваемыя красною и синею бумагою.

Но не одни только эти произведенія получаютъ изъ конопли и льна. Выпряденныя мочки, представляющія массу *клочья* (хлопки) грубыхъ волоконъ, поступаютъ снова въ пряжу. Если льняныя и посконныя хлопки вновь перемяканы, то изъ нихъ выпрадаютъ *клочанку*—нити довольно толстыя, изъ которыхъ ткуть скатерти, а недостаточные люди и *ручники*; мочки же неперемяканныя даютъ *валѣ*—самыя толстыя шероховатыя нит-

ки. Изъ валу ткуть *рядовину* на мѣшки и *рядна* (грубыя простыни и одѣяла), а также подстилки, на которыхъ сушатъ зерновой хлѣбъ.

Ткачество не доставляетъ ремесленнику большихъ выгодъ, какъ потому, что въ каждой деревнѣ занимаются имъ нѣсколь-ко мужчинъ и женщинъ, такъ и потому, что усидчивая, кропотливая работа эта требуетъ много времени. Вообще замѣчено, что ткачи и ткачихи не пользуются хорошимъ здоровьемъ, находясь лѣтомъ и зимою постоянно въ хатѣ, и сидя въ неестественномъ положеніи. При этихъ невыгодныхъ условіяхъ, они ежеминутно должны дѣйствовать руками и ногами, что производитъ у нихъ постоянную испарину.

Сукно готовится точно также дома. Шерсть, добываемая съ овецъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, поступивъ сначала къ *шаповалу* (шерстобиту), выпрядается потомъ, ягвячья особо, а со старыхъ овецъ особо, и снуется описаннымъ способомъ, какъ и полотно. Ягвячье сукно предпочитается, потому что оно гораздо мягче и красивѣе. Сукно бываетъ двойное: лучшее, въ которомъ шерстяные утокъ и основа (*по самому сукну*), и худшее, въ которомъ основа нитяная, а только утокъ шерстяной (*по порту*). Получивъ сукно отъ ткача, хозяева прячутъ его до пріѣзда рабочихъ изъ сукновалень, которыя устроены на большихъ рѣкахъ и дѣйствуютъ водою. Промышленники эти пріѣзжаютъ въ село, развозятъ валенныя сукна, и забираютъ новыя, возвѣщая свой пріѣздъ протяжнымъ крикомъ: «*По сукно, по валене, по сукно*». Мѣра тканей у простолюдиновъ считается еще на локти, и потому, измѣривъ какъ слѣдуетъ сукно, сукновальщикъ дѣлаетъ бирку, нарубааетъ на нее число локтей, и разрѣзавъ ее пополамъ вдоль, одну половину привязываетъ къ сукну, а другую отдаетъ хозяину для сличенія, когда послѣдній имѣетъ получить свою собственность.

Большая часть суконной одежды готовится въ селахъ мѣстными портными, но и въ городахъ значительное количество *свитниковъ* (портныхъ, шьющихъ свиты) занимается шитьемъ этой одежды для продажи.

Часть женскаго наряда, именуемая *запасками*, въ особенности простыя запаски, готовятся домашними средствами: женщины ихъ ткуть и потомъ красятъ *каліею*. Производство другаго вида этой одежды, болѣе роскошнаго, т. е. *пласты*,

встрѣчае
дять раз
народный
узоры. В
покупае
скіе, вы
красить
переходя
Красильн
и черны
рена и д
Люди до
зинъ, но
шениль),
яички на
половины
щины и
и глинян
называем
немъ, воз
въ видѣ
красною
холодной
для прос
красильн
однако д
слѣ Пльи
сѣкомья,
ца Юня
ства или
на которы
яичекъ ма
время, мо
сти на цѣ
но ее нах
вездѣ по
носить ещ
ство отъ у

встрѣчается гораздо рѣже, во-первыхъ потому, что сюда входятъ разноцвѣтныя нитки, для окраски которыхъ требуется разнородный матеріалъ, во-вторыхъ и потому, что надо вытыкать узоры. Вотъ причины, по которымъ *плахты* преимущественно покупаются на ярмаркахъ. Пояса, какъ мужскіе, такъ и женскіе, выдѣлываются дома, но не всеми, тоже потому, что надо красить шерсть, а это сопряжено съ нѣкоторымъ искусствомъ, переходящимъ обыкновенно отъ матери къ дочери по преданію. Красильныя вещества: *кармазинъ* (кошениль), *калія*, красный и черный сандалъ (*кірка и бразолія*) покупные, а червецъ, *марена* и *дрокъ* туземные, всегда у малороссіянокъ подъ рукою. Люди достаточные употребляютъ для краснаго цвѣта *кармазинъ*, но большинство замѣняетъ его *червецомъ* (малоросс. кошениль), который заслуживаетъ, чтобы упомянуть о немъ. Это яички насѣкомаго, находимыя подъ извѣстною травою. Около половины іюня, еще до начала косовицы, трудолюбивыя женщины и дѣвушки отправляются въ степь, запасшись ножомъ и глинянымъ сосудомъ, и отыскавъ кустики упомянутой травы, называемой *червишникъ*, выкапываютъ ее осторожно съ корнемъ, возлѣ котораго лежатъ уже багровыя яички насѣкомаго въ видѣ коноплянаго сѣмени. Подобное яичко наполнено яркою красною жидкостью. Набравъ червецу, его перемываютъ въ холодной водѣ, потомъ разсыпавъ на миски, ставятъ въ печь для просушки, и приготавливаютъ такимъ образомъ прекрасный красильный матеріалъ, который хотя и уступаетъ кошенили, однако даетъ краску хорошаго цвѣта и ничего не стоитъ. Послѣ Ильина дня (20 Іюля) изъ этихъ яичекъ выходятъ уже насѣкомыя, и потому червецъ собирается преимущественно съ конца Іюня до половины Іюля. У кого большой запасъ этого вещества или кто не занимается крашеніемъ, тѣ продаютъ червецъ, на который всегда находятся покупатели. Миска высушенныхъ яичекъ маленькаго насѣкомаго, собранная въ весьма короткое время, можетъ дать средства деревенской щеголихѣ приобрести на цѣлый годъ нарядовъ. *Марена* хотя и не повсемѣстна, но ее находятъ въ достаточномъ количествѣ, а *дрокъ* растетъ вездѣ по скатамъ горъ и кромѣ прекрасной желтой краски приноситъ еще пользу и тѣмъ, что его употребляютъ какъ средство отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Настой изъ этого расте-

нія даютъ пить собакамъ въ лѣтніе жары, если почему нибудь предполагаютъ, что они касались бѣшеннаго животнаго.

Овчины преимущественно выдѣлываются въ городахъ, хотя и въ селахъ живутъ шкурники, занимающіеся этимъ ремесломъ, а для шитья кожуховъ существуютъ особенные портные. Выдѣлка кожи для обуви тоже производится въ городахъ, а въ каждой деревнѣ есть *шеви* (сапожники), удовлетворяющіе потребностямъ мѣстныхъ жителей. Если же кто изъ послѣднихъ желаетъ имѣть обувь болѣе щеголеватую и цѣнную, тотъ покупаетъ ее по выбору на ярмаркахъ и базарахъ.

Образъ жизни малорусскаго крестьянина простъ и незатѣливъ, и хотя на такомъ обширномъ пространствѣ, какое заселено этимъ племенемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ онъ и имѣетъ свой легкій мѣстный колоритъ, однако подобныя различія во все незначительны, касаясь весьма неважныхъ условій. Если исключить нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, о которыхъ упомянуто выше, то бытъ малоруса разныхъ губерній можно подвести подъ одинъ уровень.

Малорусъ вообще набоженъ, глубоко чтитъ вѣру и уставы церковные, и избѣгаетъ всего, что грѣшно по его понятіямъ. Права онъ добраго, спокойнаго; вообще медленъ, къ чему конечно располагаютъ его климатъ и та беззаботность, которая какъ бы служить необходимою принадлежностью народа, занимающагося преимущественно земледѣіемъ. По крайней мѣрѣ хлѣбопашество и скотоводство—два главные занятія малоруса, а то и другое, по своей природѣ, не можетъ разшевелить человѣка. Принявъ же во вниманіе благодатную почву и способъ обработки земли быками, которыхъ шагъ такъ медленъ и лѣнивъ, и что малорусъ съ малолѣтства обращается съ этими животными, ничего нѣтъ удивительнаго, что на немъ самомъ отражается лѣнь, но не лѣнность, въ какой напрасно упрекаютъ его нѣкоторые близорукіе наблюдатели нравовъ. Есть впрочемъ въ его характерѣ мстительность, но нельзя безусловно сказать, чтобы качество это развивалось въ сильной степени и было похоже на кровомщеніе кавказскихъ горцевъ или на вендетту Корсиканца. Каждый человѣкъ, даже образованный, и знающій, что мщеніе—порокъ, охуждаемый христіанской религіей, не можетъ отрѣшиться отъ этого порока; да и существуютъ ли на земномъ шарѣ племена, которыя не мстили бы за обиду или молча

переноси
ранилае
кая при
присоед
dium)
вія, и
ны иног
часто п
племени
черты н
дять од
чаются
психолог
русъ хит
счетливъ
зашибат
рая раз
плодород
обратив
негъ. Вр
назвать—
минуты—
поделуши
игры, не
даваемых
малоруса
новенная
слабую с
объ этомъ
веселую-р
рѣ. Къ с
нителн сч
малоруса
влагають
варварско
предварит
такъ и вы
похожи на
рѣчиво раз

переносили оскорбленіе? Если же въ малорусскомъ народѣ и сохранилась склонность къ мстительности, то это чисто историческая причина, — стоитъ только прочесть исторію Малороссіи, отъ присоединенія послѣдней къ Польшѣ. Какъ въ недѣлимомъ (individualum) образуется характеръ вслѣдствіе того или другаго условія, и кромѣ того, что для переработки этого характера нужны иногда самыя крутыя мѣры, — онъ не всегда измѣняется и часто переходитъ въ отдаленное потомство; такъ и въ цѣломъ племени иной разъ нужны столѣтія для измѣненія какойнибудь черты народнаго характера. Мстительность малоруса не выходитъ однако же за предѣлы благоразумія, и если порою случаются уголовныя преступленія, то ихъ можно подвести подъ психологическій законъ, присущій всему человѣчеству. Малорусъ хитеръ, потому что уменъ, но онъ не обладаетъ ни расчетливымъ умомъ, ни той смѣтливостью въ отношеніи средствъ зашибать копѣйку, сродною великорусскому крестьянину, которая развилась на сѣверѣ, гдѣ неблагоприятный климатъ и неплодородная почва возродили въ народѣ духъ промышленности, обративъ всю дѣятельность на одинъ предметъ — добываніе денегъ. Врожденною чертою малорусскаго племени можно также назвать — насмѣшливость, непокидающую его въ самыя тяжелыя минуты — насмѣшливость до того сродную малорусу, что даже подслушивая разговоры дѣтей, собравшихся для какойнибудь игры, невольно засмѣешься при ихъ шуткахъ и названіяхъ, даваемыхъ другъ другу. Кромѣ особенной соли въ шуткахъ малоруса, въ нихъ замѣчательны и наблюдательность и необыкновенная мѣткость взгляда, съ которыми онъ нападаетъ или на слабую струну или на какойнибудь недостатокъ. Чтобы судить объ этомъ юморѣ, надо видѣть малоруса, что называется, подвеселую-руку, и послушать его разговоровъ, если онъ въ ударѣ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще иные почтенные сочинители считаютъ обязанностью посмѣяться надъ простодушіемъ малоруса и часто, вводя послѣдняго для потѣхи въ разсказъ, влагаютъ ему въ уста разговоры на какомъ-то непонятномъ, варварскомъ языкѣ, воображая, что это смѣшно. Но должно предварить читателя, что какъ эти фантастическіе малорусы, такъ и выводимые на сцену въ театральныхъ пьесахъ, — очень похожи на тѣ анекдоты о малорусахъ, которые такъ краснорѣчиво разказываются инымъ почтеннымъ господиномъ, не имѣю-

шимъ понятія ни объ упоминаемой имъ странѣ, ни объ ея жителяхъ. Что малорусъ простодушенъ, гостеприименъ, не погонится за лишнимъ грошемъ, и что плутъ можетъ обсчитать и надуть его—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но что онъ далеко не простъ,—подтвердятъ всѣ, кому хоть сколько нибудь знакома Малороссія.

Не смотря на лаконизмъ рѣчи, малорусъ любитъ уклончивость. Спросите, на примѣръ, крестьянина, укладывающаго на фуру домашнія произведенія для продажи на ярмаркѣ: поѣдетъ ли онъ на ярмарку? онъ непременно отвѣтитъ вамъ: «Може й поїду.» Малорусъ часто прибѣгаетъ къ иносказательности, и старается не прямо объявлять свое мнѣніе, если навѣрное не знаетъ какъ оно будетъ принято.

Одинъ изъ старосвѣтскихъ пановъ, выдавши дочь за Орловскаго помѣщика, считалъ обязанностью, по древнему обычаю, посылать ежегодно дочери гостинцы. Для этого аккуратно каждый Сентябрь мѣсяцъ онъ отправлялъ ей повозки двѣ разныхъ разностей. Однажды, ожидая уже возвращенія подвоя изъ Орловской губерніи, сидѣлъ онъ вечеромъ на крыльцѣ, и постривалъ съ нетерпѣніемъ на дорогу; ему хотѣлось поскорѣе вѣсточки отъ дочери. Наконецъ ему докладываютъ, что посланные показались. Старикъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ воротамъ, а въ это время подъѣзжали порожнія подводы.

— Здоровъ, Грыцько! кричалъ онъ издали довѣренному чело-
вѣку.

— Здорови були, пане, отвѣчалъ тотъ, сымая шапку.

— А що, якъ тамъ наші?

— Благодарить Бога—благополучно.

— Есть листъ (письмо)?

— Е.

— Ке сюди (дай сюда)!

Посланный отдалъ письмо, и пока господинъ читалъ, онъ об-
суживалъ, что и какъ отвѣчать на разспросы. Деревня барска-
го зятя была бѣдна, и Грыцьку, привыкшему дома, если не къ
роскоши, то къ удобству, весьма не понравилось пребываніе въ
Орловской губерніи, гдѣ еще народъ надъ нимъ и подтрунивалъ.
Худить открыто онъ не рѣшался; но не хотѣлъ также и скрыть
истину.

Старикъ прочелъ письмо, кликнулъ Грыцьку къ дому, велѣлъ
дать ему чарку водки,—а самъ сѣлъ на крыльцѣ и принялся

балагу
ко отв
вилось
—
іого з
—
—
влюсь,
кинувъ
тамъ н
Но в
Когда
по одн
лежали
— А
же бъ
Факт
и поим
Мало
жить хо
племен
лѣтней в
дией зас
народъ
доказате
имущест
мнѣніе, ч
Италіи,
нибудъ м
Днѣпра —
этомъ сл
что больш
достаточн
юсь повто
Руси хоро
музыки и
торое про
ныхъ иску
бравшіе у

балагурить. Много онъ предложилъ вопросовъ, на которые Грыцько отвѣчалъ лаконически; наконецъ спросилъ—какъ ему понравилось въ той сторонѣ?

— Та бачите, добродію, воно-бъ то и тее, а у тімъ хто іого зна якъ и казать.

— Та кажи просто.

— Бачите, пане, якъ уїздивъ я у свою гряницю, ажъ дивлюсь, туди у Орловську губернію, біжить собака, такъ я кинувъ на іого грудку тай кажу: Тю-тю на дурний! Чого ти тамъ не бачивъ!

Но вотъ еще разительное доказательство малорусскаго юмора. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые малорусскіе старшины, по одному доносу, были наказаны кнутомъ, и послѣ экзекуціи лежали на рогожахъ,—одинъ изъ нихъ отозвался къ товарищу:

— А що, брате, чи солодка московська *пужка* (плеть): може бъ еїи послать нашимъ жінкамъ на гостинець!

Фактъ этотъ записанъ въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго, гдѣ и поименсваны старшины.

Малорусь чрезвычайно любитъ пѣсни. Если кому случалось жить хоть нѣсколько времени въ деревняхъ, населенныхъ этимъ племенемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что въ продолженіе всей лѣтней ночи не умолкаютъ пѣсни, которыя своей пріятной мелодіей заставляютъ часто задумываться знатока музыки. Что это народъ пѣвучій и обладающій хорошими голосами — служить доказательствомъ наша Придворная пѣвческая, наполненная преимущественно малорусами, и если бы только не вкоренившееся мнѣніе, что превосходные пѣвцы и пѣвицы образуются лишь въ Италіи, мнѣ кажется, что не одинъ теноръ съ береговъ какой нибудь малоизвѣстной Сулы, и не одинъ сопрано съ побережьевъ Днѣпра — украшали бы столичную сцену. Безспорно, что въ этомъ случаѣ можно говорить и *за* и *противъ*; вѣрнѣе всего, что большинство будетъ несогласно со мною, хотя конечно безъ достаточныхъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе однакожъ я рѣшаюсь повторить сказанное мнѣніе. Много у насъ разбросано по Руси хорошихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, отличныхъ знатоковъ музыки и пѣнія; но нѣтъ ни одного верховнаго судилища, которое произносило бы окончательный приговоръ въ этихъ изящныхъ искусствахъ. Всѣ эти исполнители и дилетанты, положимъ бравшіе уроки у первыхъ знаменитостей, и потомъ сами изу-

чавшіе музыку, не могутъ имѣть ни того авторитета, какой имѣетъ музыкальная консерваторія, ни тѣхъ разнообразныхъ средствъ изучать музыкальныя способности племень, населяющихъ государство. Не мѣсто здѣсь, да я и не берусь разсуждать—отчего у насъ нѣтъ ни одной музыкальной консерваторіи, но полагаю, не сдѣлаю важной ошибки, сказавъ: что если бы у насъ и возникло подобнаго рода заведеніе, то приличнѣе всего было бы возникнуть ему въ Малороссіи, хотя бы и въ Кіевѣ.

Вездѣ, даже въ Петербургѣ, въ обществахъ ходитъ темная молва, что малорусскія пѣсни очень хороши, но никто не только не поетъ, а врядъ ли слыхаль даже тѣ истинно-прекрасныя пѣсни, которыя распѣваются простонародьемъ въ какомъ нибудь захолустѣ. Случалось мнѣ иногда въ столицѣ слышать малорусскія пѣсни самыя негармоническія, не говоря уже о томъ, какъ пѣвцы и пѣвицы нещадно коверкаютъ мое родное нарѣчіе. Собственно для словъ есть еще сборники, а для голосовъ одинъ г. Максимовичъ издалъ тетрадку при своемъ сборникѣ украинскіхъ народныхъ пѣсень, и то безъ всякаго выбора. Видѣлъ я также нѣсколько мелодій, готовившихся для другаго сборника голосовъ, но къ сожалѣнію мотивы передѣлывались на ученый ладъ, и теряли неувловимую прелесть народнаго мотива.

О малорусскихъ пѣсняхъ можно написать цѣлую книгу: такъ много въ нихъ истинной поэзіи, высказанной съ художественной простотою. Ни одно изъ славянскихъ племень не обладаетъ такимъ огромнымъ запасомъ пѣсень, какъ малорусское, и ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ прекрасныхъ, оконченныхъ пѣсень. Мелодія ихъ вообще унылая, да и самыя слова не отличаются веселостію. Исходивъ многіе уголки, гдѣ поются эти пѣсни, я очень рѣдко встрѣчалъ веселую, но и въ той слышится всегда что-то заунывное. Есть нѣсколько пѣсень плясовыхъ или хоровыхъ, однако онѣ совершенно теряются въ количествѣ грустныхъ.

Малорусскія пѣсни раздѣляются на историческія, обрядный и житейскія. Любознательность нѣкоторыхъ почитателей старины собрала нѣсколько старинныхъ козацкихъ пѣсень, и если бы не князь Цертелевъ, гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ, мы не имѣли бы этихъ драгоцѣнныхъ поэтическихъ отрывковъ ни о черноморскихъ походахъ вождей запо-

рожекких
имъ сто

Тепер
сты) по
ко поч
нію бан
способе
ретиво
немного
часто ту
готворит
слѣпцы,
бывъ въ
шая уб
ныя лег
міръ, и
свое су
же цѣл
россію
то, что
какой н
попадае
венно тр
перевод
ють чи
предосу
вѣка, и
чезло эт

Мена
тическія
я ни въ
знавших
старый
мнѣ, что
ковъ на
между э
гавшіе г

Пѣсни
даній и

рожекскихъ, ни о кровавыхъ событіяхъ, совершавшихся по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ «сегобочной и тогобочной Украинѣ.»

Теперешніе бродячіе рапсоды (кобзари, лирники, бандуристы) поютъ эти пѣсни однимъ монотоннымъ речитативомъ, только почти въ искаженномъ видѣ. Въ послѣднее время уничтоженію бандуристовъ, а съ ними и историческихъ пѣсень, много способствовала и способствуетъ мѣстная полиція, слишкомъ ретиво преслѣдующая нищенство. Но въ этомъ случаѣ полиція немного ошибается. Кобзарей нельзя сравнивать съ нищими, часто тунеядцами, употребляющими во зло общественную благотворительность: кобзари, бандуристы и лирники непременно слѣпцы, никакъ не могущіе стать на ряду съ бродягами. Не бывъ въ состояніи заниматься хозяйствомъ, и нерѣдко отягощая убогое семейство, они съ малолѣтства учатся пѣть духовныя легенды и старинныя козацкія пѣсни, обходятъ Божій міръ, играя на инструментѣ, и такимъ образомъ поддерживаютъ свое существованіе. Это нищенство не опасно. Политической же цѣли никакой быть не можетъ; развѣ уже смотрѣтъ на Малороссію съ очень узкой и обидной точки зрѣнія. Кобзарь поетъ то, что нѣсколько разъ напечатано, и развѣ рѣдко услышишь какойнибудь новый варіантъ,—а совершенно неизвѣстная пѣсня попадается въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Но теперь необыкновенно трудно найти хорошаго бандуриста: во-первыхъ, они переводятся, во-вторыхъ боятся каждаго, въ комъ подозрѣваютъ чиновника. Въ старинныхъ этихъ пѣсняхъ ничего нѣтъ предосудительнаго;—многія изъ нихъ древнѣе половины XVII вѣка, и вотъ почему жаль, что, безъ сомнѣнія, довольно исчезло этихъ памятниковъ старины.

Меня постоянно занималъ вопросъ: кѣмъ слагались эти поэтическія преданія; но разрѣшенія этого вопроса не находилъ я ни въ лѣтописяхъ, ни въ устныхъ разсказахъ стариковъ, еще знавшихъ Запорожье подъ конецъ его существованія. Одинъ старый козакъ, служившій нѣкогда сѣчевикомъ, разсказывалъ мнѣ, что между товариществомъ было много хорошихъ игроковъ на бандурѣ, которые «и лепько спивали» и конечно между этими-то пѣвцами встрѣчались талантливые люди, слагавшіе гдѣнибудь въ степи—свои поэтическія думы.

Пѣсни обрядныя извѣстны изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изданій и журнальныхъ статей,—а житейскія, самыя многочи-

сленныя, встрѣчаются въ сборникахъ Лукашевича, Максимовича и Метлинскаго. Послѣдній сборникъ гораздо полнѣе, хотя здѣсь почтенный издатель обращалъ болѣе вниманія на варианты, чѣмъ на приобрѣтеніе самыхъ пѣсень, которыхъ вѣроятно достало бы на три такія книги. Но винить почтеннаго профессора нельзя, а слѣдуетъ принести ему искреннюю благодарность за посильный трудъ, который, безъ сомнѣнія, вызоветъ дѣятельность другихъ людей, имѣющихъ болѣе средствъ къ собиранію народныхъ пѣсень, и обладающихъ болѣею опытностью, при разборѣ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ сообщаются иногда довольно удачныя поддѣлки. Въ этомъ случаѣ надо быть очень осторожнымъ, иначе могутъ случиться такія промахи, какіе встрѣчаются у г. Скальковскаго, который, не зная глубоко языка, допустилъ въ исторіи Сѣчи, вмѣсто народныхъ пѣсень, вирши помѣщиковъ западныхъ губерній.

О томъ, какое понятіе о малорусскихъ пѣсняхъ имѣли собиратели народности, можно указать на Сборникъ г. Сахарова; въ немъ отдѣлъ малорусскихъ пѣсень заключается въ ничтожномъ количествѣ номеровъ; а какъ почтенный издатель понималъ ихъ качество, видно изъ того, что въ число шуточныхъ пѣсень—онъ помѣстилъ одну извѣстную пѣсню, проникнутую самымъ безотраднымъ чувствомъ безвыходнаго положенія.

По своей художественной простотѣ, народная пѣсня обличаетъ большое дарованіе въ томъ, кто ее импровизировалъ, и напрасно нѣкоторые знатоки народности стараются поддѣлаться подъ ея безыскусственный складъ; слѣдовательно, принявъ во вниманіе богатый запасъ прекрасныхъ малорусскихъ пѣсень, нельзя не придти къ заключенію, что племя это обладаетъ замѣчательною поэтической способностью. Прежнія войны и смуты, породившія столько чудныхъ пѣсень, остались для малоруса темными преданіями; но онъ продолжаетъ воспѣвать свою прекрасную природу, свои ощущенія, свою любовь, которая у него въ юности составляетъ высшее наслажденіе, и не есть слѣдствіе грубой чувственности, какъ у простонародья другихъ племенъ, а проникнута особой теплотой и нѣжностью, даже непоздѣваемыми въ простолюдинѣ. Каждый, кто изучалъ бытъ малоруса не въ продолженіе однихъ вакацій, не среди дворовой прислуги, не по разсказамъ иныхъ помѣщиковъ, незнающихъ своихъ крестьянъ,—тотъ, положа руку на сердце, подтвердитъ

слова м
сохрани
гія об
обычай
ра Ве
гательс
необход
ствоват
обычай
редь, и
этомъ о
затъ, ч
вушекъ
что пар
честь с
въ обра
парня с
дателей
когда н
то паре
няя под
лороссія
воляютъ
ють жел
иногда н
многіе с
жавшіе
это невоз
твердымъ
число лѣ
Нельзя
няются
которыя
мыхъ, до
помнить
ствѣ, и я
эту пѣсню
ливъ новъ
вниматель

слова мои и скажетъ, что парни и дѣвушки въ Малороссіи сохранили патріархальную чистоту нравовъ, не смотря на многія обстоятельства, вредно дѣйствовавшія на этотъ коренной обычай. Квартированіе войскъ великорусскихъ со временъ Петра Великаго, внесшихъ въ Малороссію и непристойныя ругательства, которыхъ до тѣхъ поръ здѣсь не существовало, необходимо должно было, какъ это случается и вездѣ, способствовать къ несоблюденію строгости цѣломудрія, и наконецъ обычай помѣщиковъ держать огромную дворню, въ свою очередь, измѣнилъ нѣкоторымъ образомъ понятіе простолюдина въ этомъ отношеніи. Но къ чести малорусскаго народа надо сказать, что если и встрѣчаются примѣры легкаго поведенія дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ,—то какъ случаи частные, и что парень, какъ бы ни былъ молодъ и влюбленъ, уважаетъ честь своей возлюбленной. При совершенной свободѣ молодежи въ обращеніи, при обычаяхъ проводить цѣлыя ночи вмѣстѣ, парня съ дѣвушкой (что вводитъ многихъ близорукихъ наблюдателей нравовъ въ заблужденіе), влюбленная чета почти никогда не забываетъ долга, и если судьба разрознить эту чету, то парень съ чистой совѣстью женится на другой, а его прежняя подруга не вноситъ безчестья въ домъ своего мужа. Малороссіянки, проводящія ночи съ своими возлюбленными, позволяютъ парнямъ невинныя ласки, но если парни обнаруживаютъ желанія, оскорбляющія цѣломудріе, дѣвушка, не смотря иногда на страстную любовь, прекращаетъ свиданія. Знаю, что многіе скептики, многіе знатоки народности, выросшіе и возмужавшіе въ столицѣ, готовы доказывать всѣми способами, что это невозможно, и не въ природѣ вещей, но я говорю это съ твердымъ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ, проведеній значительное число лѣтъ въ деревняхъ малорусскихъ.

Нельзя не замѣтить, что и въ деревняхъ старыя пѣсни смѣняются новыми, и зачастую—дочерямъ неизвѣстны уже тѣ, которыя пѣлись ихъ матерями, за исключеніемъ иныхъ любимыхъ, долго остающихся на сценѣ. Нерѣдко случалось мнѣ припомнить одинъ или два куплета изъ пѣсни, слышанной въ дѣтствѣ, и я долго доискивался пѣвицы, которая могла мнѣ спѣть эту пѣсню, и уже находилъ въ другомъ селеніи. Этотъ приливъ новыхъ пѣсень, иногда очень хорошихъ, заставлялъ меня внимательно слѣдить за вкусомъ и направленіемъ новѣйшей на-

родной поэзіи; но я не находилъ ни новыхъ стремленій, ни новыхъ вопросовъ, а все прежнія темы, прежнія сравненія, въ другой только формѣ. Нерѣдко попадаются и давнія пѣсни, переложенныя въ видѣ варианта. Съ одной стороны частыя эти перемѣны происходятъ отъ того, что захожіи изъ другой деревни, или туземець, побывавшій въ другомъ селѣ, приноситъ новыя пѣсни, быстро выучиваемыя народомъ, вездѣ любящимъ разнообразіе, и такимъ образомъ прежнія пѣсни оставляются, а новыя заступаютъ ихъ мѣсто. Съ другой стороны современные слагатели пѣсень, смотря по степени таланта, или создаютъ новыя, или передѣлываютъ прежнія, примѣняя къ какому нибудь тождественному обстоятельству. Но въ современныхъ пѣсняхъ незамѣтно никакого движенія впередъ, по весьма естественной причинѣ: въ народѣ нѣтъ еще развитія, и поэзія его стоитъ на той же точкѣ, на какой стояла она нѣсколько вѣковъ, съ перемѣною лишь обстоятельствъ, обусловливавшихъ предметы пѣснопѣній.

Нынѣшній пѣвецъ черпаетъ вдохновеніе въ любви, тоскѣ по родинѣ и странствованіи по степямъ, заимствуя сравненія изъ видимой природы, и преимущественно воспѣвая свои личныя ощущенія. Въ послѣднее время начали появляться въ деревняхъ хоровыя солдатскія пѣсни.

Взглянувъ на языкъ, одежду, нравъ и пѣсни малоруса, намъ остается еще познакомиться съ его сказками, обычаями, нѣкоторыми повѣрьями и образомъ жизни. Само собою, что я здѣсь представляю лишь въ общихъ чертахъ бытъ приднѣпровскаго крестьянина, оставляя себѣ возможность говорить о частныхъ подробностяхъ, при описаніи многихъ мѣстностей, которыя будутъ мнѣ встрѣчаться на протяженіи этой рѣки, замѣчательной какъ въ историческомъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ. Если она играла важную роль въ древности и потомъ продолжала быть театромъ многихъ происшествій почти до конца прошлаго столѣтія, то и въ будущемъ ей предстоитъ не менѣе, если не болѣе важное значеніе—служить однимъ изъ главнѣйшихъ путей сообщенія. Днѣпръ ставитъ въ непосредственное сношеніе лѣсистыя и безхлѣбныя губерніи съ безлѣсными и хлѣбородными, слѣдовательно при нынѣшнемъ стремленіи къ совершенствованію и при разумномъ практическомъ взглядѣ на вещи—чего нельзя ожидать отъ рѣки, протекающей 1600 верстное пространство!

Но
Днѣпръ
живутъ
чѣмъ
преиму
обитае
говля
предсто
Сказ
мною,
на сказ
народов
изданн
главном
многоч
животн
Св. Пет
народно
ло пре
другого
русалки
разбойн
жать не
полагат
въ форм
они был
о велет
живающ
женіе ка
исчезли,
самое ме
вергающ
сто кажу
Я дѣятел
для изуч
и я обла
Со време
мнѣ пред
протяжені

Но должно замѣтить, что не на всемъ этомъ протяженіи Днѣпръ населенъ малорусскимъ племенемъ: въ верховьяхъ его живутъ бѣлорусы, языкъ которыхъ хотя и ближе къ южно чѣмъ къ сѣверно-русскому, однако имѣетъ свои особенности. Я преимущественно описываю малорусовъ потому, что племя это обитаетъ по Днѣпру тамъ, гдѣ судоходство, рыболовство и торговля принимаютъ размѣры обширнѣе, и гдѣ въ будущемъ ему предстоитъ болѣе значительное поприще.

Сказки малорусскія, сколько можно судить изъ слышанныхъ мною, имѣютъ свой особенный характеръ, хотя конечно похожи на сказки не только всѣхъ славянскихъ племенъ, но и другихъ народовъ. Читая въ этомъ родѣ сборники народной фантазіи, изданные за границею, нельзя не найти въ нихъ сходства въ главномъ основаніи и съ малорусскими. Здѣсь, какъ и вездѣ, многочисленнѣе сказки, въ которыхъ важнѣйшую роль играютъ животныя; но попадаются и такія, въ которыхъ Богъ и Св. Петръ какъ-то всегда неразлучно путешествуютъ по землѣ, по народному повѣрью. Легенды эти очень интересны и вообще мало представляютъ вариантовъ, въ мѣстахъ, лежащихъ одно отъ другаго на значительныхъ разстояніяхъ. Вѣдьмы, вовкулаки, русалки—тоже очень часто попадаются въ сказкахъ. Сказки о разбойникахъ носятъ характеръ позднѣйшей формы и принадлежать не далѣе какъ прошлому столѣтію; изъ чего можно предполагать, что это дѣйствительныя событія, передѣланныя уже въ форму сказки, по минованіи обстоятельствъ, при которыхъ они были возможны. Но есть въ Малороссіи сказки особенныя о *велетняхъ* (великанахъ), *песиголовцахъ* и *злудняхъ*, заслуживающія подробнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что впродолженіе какихъ нибудь двадцати лѣтъ—онѣ, если не совершенно исчезли, то во многихъ мѣстахъ окончательно позабыты. То же самое можно сказать и о прочихъ старинныхъ сказкахъ, подвергающихся измѣненіямъ и принимающихъ многія вставки, часто кажущіяся беземысленной заплаткой на дорогой одеждѣ. Я дѣятельно записываю сказки въ деревняхъ, въ которыхъ живу, для изученія народнаго быта. Труды мои вѣнчаются успѣхомъ, и я обладаю уже нѣсколькими замѣчательными экземплярами. Со временемъ надѣюсь издать мое собраніе, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстоитъ случай пользоваться вариантами на огромныхъ протяженіяхъ. Очень интересныя сказки поделушиваю я у дѣ-

тей, какъ у лицъ, болѣе близкихъ къ предмету, и иная дѣвочка говорить сказку гораздо лучше взрослой женщины, пользующейся извѣстностью сказочницы. Рыбаки и мельники, сообщающіе мнѣ преданія, тоже изобилуютъ запасомъ сказокъ, между которыми встрѣчаются и иноземныя, пересказанныя какимъ нибудь грамотѣемъ. Но оставляя послѣднія въ сторонѣ, я выбираю лишь то, что мнѣ пригодно для моихъ наблюдений. Я не беру много на себя, и нисколько не желаю придать важности труду своему, но мнѣ кажется, что подобнаго рода памятники, какъ пѣсни и сказки, должны быть собираемы на мѣстѣ чело-вѣкомъ, основательно знающимъ быть даннаго племени. Для повѣрки мысли какъ искажаются иными собирателями пѣсни и сказки, я поручалъ кое-кому списывать то и другое, а послѣ самъ записывалъ отъ тѣхъ же пѣвицъ и сказочницъ. Разница выходила иногда удивительная, особенно въ сказкахъ, гдѣ вставляють или пропускають цѣлыя фразы. Въ особенности надо беречься простолюдиновъ грамотѣевъ, которые, желая блеснуть образованіемъ, употребляютъ краснорѣчивыя, по ихъ мнѣнію, выраженія и замѣняютъ одни слова другими. Съ малорусскими грамотѣями это случается зачастую, потому что они вставляютъ слова великорусскія, и тѣмъ самымъ подадутъ инымъ филологамъ возможность замѣтить, что извѣстное слово существуетъ въ малорусскомъ нарѣччіи. Дѣвочки и вообще женщины, за исключеніемъ дворовыхъ, въ этомъ случаѣ представляютъ болѣе вѣрный источникъ. Упомянутыя выше сказки о *велетняхъ*, *песиголовцахъ* и *зидняхъ* попадаются довольно рѣдко, а на иныхъ мѣстностяхъ совершенно неизвѣстны; но, сколько могу судить, это должны быть самыя древнія, имѣющія источникомъ забытую миѳологию, возникшую—кто знаетъ въ какомъ столѣтіи. Въ сказкахъ этихъ, которыя мнѣ удавалось слышать въ дѣтствѣ, и которыя, къ сожалѣнію, въ то время не могли мною быть записаны, встрѣчались подробности, уже не упоминаемыя нынѣшними сказочницами; но отыскивая глубокихъ старухъ, мнѣ иногда удается доставать варианты. Надо еще замѣтить, что многія сказки передѣланы молодежью, на неблагопристойныя, въ которыхъ однако же встрѣчается неподдѣльный малорусскій юморъ. Подобныя созданія народной фантазіи слышалъ я почти всегда, когда просилъ парней рассказать мнѣ сказку. У дѣв-шекъ дѣло другое: здѣсь сказки говорятся добросовѣстно.

Самое
въ каждо
родомъ,
устныхъ
изучить
надъ Днѣ
Кіеву и
касы и
преданія

Малор
сти, как
губерній,
понимает
располож
непремѣн
проѣзжа
раздают
что это
обычай
даетъ не
которой
Малорус
имѣеть п
чайно лю
ковъ на
бище ра

Не зна
чай разд
семьи, со
жили бы
ключенія
которое,
нельзя не
къ дома
ду двумя
живущим
кимъ же
гдѣ может
Есть своя

Самое замѣчательное—это мѣстные преданія, существующія въ каждомъ селеніи, и если только умѣть обращаться съ народомъ, всегда можно собрать значительное количество этихъ устныхъ разсказовъ, любопытныхъ для того, кто хотѣлъ бы изучить край подробнѣе. Въ особенности преданій этихъ много надъ Днѣпромъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто принадлежитъ Кіеву и его окрестностямъ, но и Терехтеміровъ, Каневъ, Черкасы и инныя прибрежныя мѣста, а болѣе Пороги—изобилуютъ преданіями.

Малорусь, въ особенности не на пустынной степной мѣстности, какъ нѣкоторыя уѣзды Екатеринославской и Херсонской губерній, удаленные отъ Днѣпра, живетъ хорошо и по своему понимаетъ нѣкоторыя удобства жизни. Посмотрите на селенія, расположенныя возлѣ какихъ нибудь рѣчекъ, и вы увидите, что непременно они расположены на красивой мѣстности, и если проѣзжаете ихъ весною, когда деревья въ цвѣту, когда вездѣ раздаются пѣсни молодежи и пѣніе соловьевъ, вы скажете, что это край поэтической. Рѣдкая хата не имѣетъ садика, и обычай заплетать низенькіе плетни со сквозными воротами придаетъ необыкновенно пріятный видъ деревнѣ, возлѣ бѣлыхъ хатъ которой движется народъ и занимается своими обязанностями. Малорусская деревня непременно разбросана въ безпорядкѣ, имѣетъ площадь, лѣпится иногда по горамъ, которыя чрезвычайно любимы народомъ. Если только можно построить церковь на горѣ, она тамъ построена; но если нѣтъ, то уже кладбище расположено на какой нибудь возвышенности.

Не знаю, съ которыхъ поръ существуетъ въ Малороссіи обычай раздѣленія семействъ, но чрезвычайно рѣдко встрѣчаются семьи, состоящія изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, которые жили бы вмѣстѣ. Эти примѣры существуютъ лишь въ видѣ исключенія изъ общаго правила. Въ этомъ раздѣленіи семействъ, которое, какъ говорятъ, вредно въ экономическомъ отношеніи, нельзя не признать смысла, имѣющаго основаніе въ стремленіи къ домашней независимости. Если и въ высшемъ сословіи, между двумя, тремя женатыми братьями, неотдѣленными отцемъ, но живущими въ одномъ домѣ, часто не бываетъ согласія, то какимъ же образомъ можно требовать его въ быту крестьянскомъ, гдѣ можетъ встрѣтиться безчисленное множество предметовъ спора? Есть своя хорошая сторона въ нераздѣленіи семействъ, но есть

и оборотная. Въ патриархальномъ обычаѣ жить вмѣстѣ—сумма всѣхъ работъ складывается въ общую кассу, однако же каждый знаетъ, что воля главы семейства можетъ по произволу отдать одному больше, другому меньше. А вѣчныя неудовольствія за какія нибудь мелочныя обстоятельства, возникающія изъ женскихъ счетовъ между собою, сообщающія и мужьямъ начало самыхъ печальныхъ раздоровъ? Въ Малороссіи отцы по большей части при жизни отдѣляютъ женатыхъ сыновей, и если не всегда распредѣляютъ между ними имѣніе, и требуютъ общей работы, по крайней мѣрѣ каждому сыну строить отдѣльную хату, въ которой молодая чета живетъ и устраивается по своему желанію, не имѣя непріятныхъ столкновеній съ прочими членами семейства. По смерти родителей женатые братья никогда не живутъ вмѣстѣ.

Земледѣліе въ хлѣбородной Малороссіи производится способомъ, заведеннымъ искони по преданію. Тяжелый плугъ, запряженный тремя и четырьмя парами воловъ, бороздитъ землю, которая съ избыткомъ вознаграждаетъ труды пахаря. Если появятся какія нибудь вреднодѣйствующія условія: слишкомъ сухое или очень мокрое лѣто, саранча, градъ, червяки, оврашки,—то они уничтожаютъ иногда жатву, главный предметъ доходовъ простолюдина. Нельзя не замѣтить, что въ Малороссіи существуетъ обычай взаимнаго вспоможенія въ работахъ. Три или четыре пары воловъ, необходимыхъ для плуга, можно встрѣтить лишь у весьма зажиточнаго крестьянина,—а слѣдовательно у кого недостатокъ рабочаго скота, тотъ отыскиваетъ товарища и пашутъ вмѣстѣ. Такая же точно помощь требуется иногда для постройки, рубки и перевозки лѣса, но иногда за это не платятся деньги. Само собою, хозяинъ долженъ хорошо кормить и угощать добровольныхъ работниковъ, которые всегда совѣтливо исполняютъ свою обязанность.

Весна въ Малороссіи начинается почти всегда въ половинѣ марта, и какъ таянне снѣговъ идетъ быстро, то народъ сѣетъ въ полѣ не рѣдко до Благовѣщенія, и оканчиваетъ свои полевныя работы къ ноябрю, во время заморозковъ, когда уже невозможно пахать. Въ деревняхъ прибрежныхъ, гдѣ крестьянинъ преимущественно занимается рыболовствомъ или судоходствомъ, наконецъ въ деревняхъ, въ которыхъ живутъ днѣпровскіе донманы, и тамъ земледѣліе играетъ не послѣднюю роль. Плугъ и

воля—в
но бы
вершено
и въ п
легкіе
дей про
шая ча
насчита
ственно
нововве
чего ж
великор
лѣпость
приспо
ми, мн
Примѣр
других
ніяхъ п
лороссе
к. сер.
мать об
тельно
въ Нов
машин
чихъ р
для уб
тущее с
и трав
тѣмъ и
необык
ковъ за
на друг
Засѣ
хлопота
косовиц
анина,
у кого
считает
ной пиш

воль—необходимая принадлежность малоруса. Разумѣется можно бы облегчить способы земледѣлія, но попытки ввести усовершенствованія въ хлѣбопашествѣ какъ-то не прививаются даже и въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, гдѣ очень рѣдко попадаются легкіе плужки, требующія двухъ паръ воловъ. Исключивъ людей просвѣщенныхъ, которыхъ разумѣется не весьма много, большая часть владѣльцевъ какъ-то боится нововведеній, и если вы насчитаете имъ пять благопріятныхъ примѣровъ, то они торжественно укажутъ вамъ на одинъ или два случая неудавшагося нововведенія. Если такъ разсуждаетъ классъ образованный, то чего же можно требовать отъ простолюдина? Конечно вводить великорусскія сохи, какъ дѣлали иные, было бы крайнею нецѣлостью, потому что почва требуетъ глубокой распашки; но приспособить двухпарные плужки, что и исполняется нѣкоторыми, мнѣ кажется слѣдовало бы всеѣмъ благоразумнымъ людямъ. Примѣръ этотъ легко подвинулъ бы земледѣліе и у крестьянъ другихъ вѣдомствъ. Теперь, въ особенности при тѣхъ улучшеніяхъ путей сообщенія, какія имѣются въ виду, хлѣбъ въ Малороссіи не можетъ доходить до баснословно-низкой цѣны (3 и 5 к. сер. за пудъ); слѣдовательно хлѣбопашество должно принимать обширные размѣры и возможные усовершенствованія касательно сбереженія рабочихъ силъ. Мнѣ кажется, что нигдѣ какъ въ Новороссіи не могли бы примѣниться къ дѣлу жатвенныя машины, потому что край этотъ страшно нуждается въ рабочихъ рукахъ. Съ улучшеніемъ паханья, со введеніемъ машинъ для уборки хлѣба, страна эта могла бы легко придти въ цвѣтущее состояніе. Теперь же огромныя степи лежатъ пустыремъ и травы пропадаютъ за неимѣніемъ рабочихъ рукъ, а между тѣмъ иной годъ скота кормить нечѣмъ, сѣно же доходитъ до необыкновенно высокихъ цѣнъ. У многихъ однако же помѣщиков завелись молотильни и вѣяльни, что подаетъ надежду и на другія усовершенствованія.

Засѣявъ свои поля, малорусъ около половины іюня начинаетъ хлопотать объ уборкѣ сѣна, и время это называется у него *косовица*. Это чуть-ли не самая трудная работа въ быту крестьянина, но она проходитъ у него въ видѣ праздника. Каждый, у кого есть степь (луга), запасается заблаговременно косцами и считаетъ непремѣнною обязанностью содержать ихъ на улучшенной пищѣ. Нѣсколько разъ въ день виная порція, завтракъ,

обѣдъ, полдникъ и ужинъ—необходимыя условія, безъ которыхъ невозможно нанять ни одного работника. И условія эти строго соблюдаются. Въ скоромные дни мясо, а въ постные рыба не премѣнно должны быть употребляемы, по крайней мѣрѣ на обѣдъ и ужинъ, а у иныхъ все это дается на завтракъ и полдникъ. И въ самомъ дѣлѣ, во все время косьбы, улучшенная пища необходима, потому что промахать косою отъ зари до зари, съ весьма краткими отдыхами, необыкновенно утомительно. Для этой работы употребляются люди совершеннолѣтніе, и если о комъ говорятъ: *вінъ косарь* (онъ косецъ), то это уже служить доказательствомъ и совершеннолѣтія и физической силы. Не смотря на тяжелый трудъ, косовица самая веселая изъ полевыхъ работъ, потому что для этого обыкновенно собираются гдѣ нибудь въ степи, строить *куринь* (шалашъ), хорошо ѣдать и, въ краткіе часы отдыха, веселятся. Есть дѣлѣй отдѣлъ пѣсень подь названіемъ *косарксихъ*. Атаманъ, который, идя впереди, даетъ направленіе, весьма часто бываетъ и запѣвало. Таборъ устроивается со всеми удобствами: возлѣ шалаша выкапывается *паланка* —печь для приготовленія пищи, и ставится шесть (преимущественно вилы) для подавнн сигнала косцамъ о времени прихода къ куреню. Все необходимые припасы вывозятся въ степь, при чемъ не забывается ни малѣйшая кухонная принадлежность. Малорусъ—большой гастрономъ, разумѣется по своему, и не всегда довольствуется количествомъ пищи, но вникаетъ и въ самое качество. Кухарка отвѣчаетъ за приготовленіе кушанья и иной разъ подвергается наказанію, по приговоренію *громады* (общества). Каждый косецъ снабженъ деревяннымъ конусомъ, въ которомъ хранятся снаряды для остренія косы: точильный камень, вода и *лопатка*, и который прицѣпляется къ поясу. И эта-то лопатка служитъ орудіемъ для наказанія кухарки, дурно исправляющей свою обязанность.

Черезъ нѣсколько дней по началу косовицы, таборъ увеличивается прибытіемъ гребцовъ—обыкновенно дѣвушекъ и молоденькихъ парней, которые оживляютъ степь своими непрерывными пѣснями, а иногда, вечеромъ, и танцами подь звуки балалайки или свирѣли. Не успѣла кончиться окончательная уборка сѣна, какъ уже начинается *жница* (жатва), и въ это время остаются въ деревняхъ лишь дряхлые старики, да малыя дѣти; грудныхъ же младенцевъ матери берутъ съ собою и устраиваютъ имъ изъ

сноповъ защиту спѣшности и прудуетъ за другіе хватить, дѣла хлѣбъ косить, при пособіи въ снопы. Дошаютъ еще сто дачею или третчество употреблдобномъ основамый ловкій и не можетъ сжалъ которыхъ припоръ началъ еграницу. Последа много времедалеко отъ селтять, и рѣдкообычаѣ строить часть Малоросонѣ входятъ въвалъ крестьянамлотить въ ненас

Въ крестьяншенія, но дляумѣть изъяснитьнасъ, къ сожалнымъ желаніемъкъ дѣлу. Крестикто, живя безвыги, но часто иное нововведеністрогаго изученіупираясь почтиКакихъ не встрѣна такомъ громабыла бы заслугзанность подвину

сноповъ защиту отъ солнца. Жатва требуетъ необыкновенной поспѣшности и прилежанія, потому что одинъ хлѣбъ быстро слѣдуетъ за другимъ, и иные изъ нихъ, какъ ячмень, если не захватить, дѣлаются неудобными къ жатвѣ. На иныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ косятъ, придѣлывая къ косѣ деревянный снарядъ (грабки), при пособіи котораго стебли ложатся ровно и удобно для вязки въ снопы. Достаточные хозяева убираютъ свое поле и приглашаютъ еще стороннихъ жнецовъ, вознаграждая трудъ ихъ, выдачею или третьяго снопа или изъ семи двухъ; послѣднее количество употребительнѣе. Помѣщики тоже снимаютъ хлѣбъ на подобномъ основаніи и рѣдко снопомъ, и то развѣ пшеницу. Самый ловкій и трудолюбивый жнецъ, работая отъ зари до зари, не можетъ сжать болѣе 5 копъ (въ 60 сноповъ каждая). Въ нѣкоторыхъ приднѣпровскихъ уѣздахъ, крестьяне съ недавнихъ поръ начали сѣять маслянистыя растенія, которыя требуются за границу. Послѣ жатвы наступаетъ *возовиця*, занимающая иногда много времени, потому что поля въ иныхъ мѣстахъ отстоятъ далеко отъ селеній. Хлѣбъ свозится на *токъ*—мѣсто, гдѣ молотятъ, и рѣдко у какого хозяина имѣется *клуня* (рига). Не въ обычаѣ строить эти зданія, можетъ быть отъ того, что большая часть Малороссіи безлѣсна, и не болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ онѣ входятъ въ употребленіе. Вѣроятно, кто нибудь растолковалъ крестьянамъ пользу ригъ, въ особенности возможность молотить въ ненастную погоду.

Въ крестьянскій бытъ можно бы ввести многія полезныя улучшенія, но для этого нужно его знать основательно, а главное, умѣть изъяснить крестьянину выгоду той или другой вещи. У насъ, къ сожалѣнію, все это дѣлается, хотя и съ добросовѣстнымъ желаніемъ пользы, однако очень часто безъ примѣнимости къ дѣлу. Крестьянскій бытъ знакомъ поверхностно не только тѣмъ кто, живя безвыѣздно въ Петербургѣ, пишетъ хозяйственныя книги, но часто и тѣмъ, кто лично управляетъ крестьянами. Каждое нововведеніе у насъ требуетъ осмотрительности и самаго строгаго изученія крестьянскаго быта, тѣмъ болѣе, что Россія, упираясь почти въ полюсь, протянулась чуть не до тропика. Какихъ не встрѣтишь климатовъ, племенъ, нравовъ и обычаевъ на такомъ громадномъ пространствѣ! Необыкновенной важности была бы заслуга тѣхъ, кто принялъ бы на себя великую обязанность подвинуть земледѣліе у крестьянъ на разныхъ мѣстно-

стяхъ. Всѣ условія для этого имѣются съ избыткомъ въ Новороссіи и Малороссіи, гдѣ при благодарной почвѣ недостаетъ только усовершенствованій. Племя, населяющее эти обширныя пространства, и способно, и трудолюбиво, только идетъ путемъ допотопныхъ преданій и не двигается. Мнѣ кажется, что убѣжденіями и другими благоразумными мѣрами можно бы достигнуть самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ и заставить крестьянина полюбить трудъ, не только какъ средство къ существованію и приобрѣтенію, но и какъ цѣль всякаго разумнаго существа. При любви малоруса къ чистотѣ и порядку въ домашней жизни, легко бы было, мало по малу, ввести въ бытъ его полезныя улучшенія и съ небольшимъ только усиленіемъ можно бы достигнуть, въ степныхъ деревняхъ, того благоустройства и тѣхъ удобствъ, какія встрѣчаются въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Поощрительныя мѣры здѣсь были бы, кажется мнѣ, самымъ лучшимъ способомъ. Къ сожалѣнію, разговаривая объ этомъ съ нѣкоторыми помѣщиками и лицами, имѣющими вліяніе на крестьянъ другихъ вѣдомствъ, я встрѣчалъ часто или отрицательные отвѣты, или удивленіе, что подобная мысль можетъ придти въ голову. Если въ моемъ предположеніи встрѣчается мысль, не легко примѣнимая къ дѣлу, по мнѣнію большинства, то въ отрицательныхъ отвѣтахъ скрывается страшная привязанность къ рутинѣ, цѣпляющаяся за корысть, а въ удивленіи чиновниковъ—совершенное незнаніе ни быта, ни характера племени, надъ которымъ они поставлены. «Для чего мужику садикъ у хаты или нѣкоторыя удобства въ жизни, къ которымъ онъ не привыкъ?» вопросъ весьма естественный въ устахъ помѣщика, который зачастую и самъ почти не имѣетъ сада. Но это нисколько не мѣшаетъ тому же самому помѣщику, при проѣздѣ чрезъ какую нибудь колонію, восхищаться чистотою и порядкомъ деревни, отдыхать во время зноя въ тѣни деревьевъ; жаль только, что ему вѣроятно не приходится подумать: «да это же въ пятнадцати верстахъ отъ моего имѣнія!» Я не утопистъ и не фразеръ, но глубоко знаю природу племени, о которомъ говорю, и какъ было бы мнѣ отрадно встрѣтить въ комъ нибудь сочувствіе, а если проживу еще лѣтъ двадцать—найти гдѣ нибудь на степной мѣстности малорусскую деревню, усаженную тѣнистыми садами, и въ ней народъ, занимающійся улучшеннымъ хозяйствомъ! Впрочемъ два мощныхъ двигателя—пароходы и паровозы, о которыхъ

теп
дят
на
и У
гра
дна
обл
раз
жер
ца
мож
и э
мыс
как
гра
шко
дес
дим
нич
и ма
возм
крес
вѣк
тием
досу
отка
что
къ у
потом
сущес
что
мнѣ
велѣд
учили
молод
Там
предс
просто
для во

теперь исключительно толкуетъ Россія, можетъ быть, предупредить мою мысль и преобразуютъ эти голыя деревни, торчашія на степяхъ новороссійскихъ и на иныхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній. Прежде всего не мѣшало бы ввести грамотность между крестьянами, которая по мнѣнію многихъ вредна для нихъ, а въ сущности приноситъ несомнѣнную пользу, облагораживая нѣкоторымъ образомъ понятія простолюдина, и развивая челоѣка хоть въ томъ отношеніи, что онъ не дѣлается жертвою перваго заѣзжаго торгаша въ деревнѣ, или перваго мѣщанина въ городѣ. Говорить противъ грамотности крестьянина можетъ лишь эгоистъ, боящійся за прочность своего вліянія, но и этотъ ошибается. Темный крестьянинъ вѣритъ всякой нелѣпой мысли, проповѣдуемой какимъ нибудь пройдохой, между тѣмъ какъ грамотный потребуеъ фактовъ и вразумить десятокъ неграмотныхъ. Въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ заведены школы; у помѣщиковъ—эти заведенія приходятся одно на пятьдесятъ селеній, приблизительно. Наконецъ грамотность необходима и въ религіозномъ отношеніи, потому что неграмотный ограничивается иногда чтеніемъ «Отче нашъ», выученнаго отъ отца и матери, и только что лепечетъ языкомъ эту молитву, не имѣя возможности вникнуть въ ея содержаніе. Разумѣется, грамотный крестьянинъ преимущественно читаетъ духовныя книги, а челоѣкъ, проводящій свободное время за Евангеліемъ или за Житіемъ Святыхъ, не можетъ быть хуже того, который весь свой досугъ проводитъ въ кабацѣ. Конечно рѣдкій и изъ грамотныхъ откажется отъ чарки; но онъ любитъ подь часъ почитать кое-что своимъ знакомымъ, а это уже ведетъ нѣкоторымъ образомъ къ улучшенію. Если же онъ получаетъ вкусъ къ водкѣ, то не потому собственно, что онъ грамотный, а вслѣдствіе обычая, существующаго въ простомъ народѣ. Многіе помѣщики говорятъ, что грамотный крестьянинъ скорѣе дѣлается мошенникомъ; но мнѣ кажется, что такое прекрасное понятіе очень похоже на то, вслѣдствіе котораго въ прошломъ вѣкѣ дворянскихъ дѣвицъ не учили письму, для того, чтобы они не заводили переписки съ молодыми людьми.

Такъ или не такъ, а быть малорусскаго крестьянина много представляетъ утѣшительныхъ фактовъ касательно нравственности простолюдина и можетъ послужить достаточнымъ основаніемъ для всѣхъ будущихъ перемѣнъ и нововведеній.

Я остановился на молотбѣ хлѣба. Малорусь употребляетъ для этого обычное орудіе—*ципъ*, приготовляемый имъ самимъ. Утрамбовавъ и укатавъ свой *токъ*, малорусь *насаживаетъ*, т. е. складываетъ рядомъ снопы, и приступаетъ къ работѣ, которая продолжается всю осень, а иногда и всю зиму, смотря по количеству хлѣба. Богатый хозяинъ нанимаетъ работниковъ или выдѣляетъ извѣстное количество зерна, служащаго вознагражденіемъ за трудъ. Для помоловъ, собственно у крестьянъ, существуетъ два рода мельницъ: *вѣтрякъ* (вѣтр. мельница) и *водный млинъ* (вод. мельница), но это принадлежность только достаточнаго хозяина. Хлѣбъ сѣется разнаго рода: рожь, озимая и яровая, пшеница, ячмень, овесъ, просо, гречиха, горохъ, бобы, мѣстами чечевица. Изъ маслянистыхъ растений; ленъ, конопля, сурѣлица, рыжикъ,—но первыя два растенія употребляются кромѣ того для пряжи. Независимо отъ этого засѣваютъ *баитаны* (бакши), на которыхъ произрастаютъ: арбузы, дыни, огурцы, тыквы, *шинка* (кукуруза), картофель, подсолнечники. При этомъ разнообразіи хлѣба и овощей, некогда лѣннятся крестьянину, хотя 99 изъ 100 и будутъ проповѣдывать, что малорусь лѣнтій, что онъ лежитъ только на печкѣ и не думаетъ о будущемъ. Не спорю, можетъ быть и есть деревни, гдѣ малорусь радъ полежать на печкѣ и не думая о будущемъ, но тутъ уже причиною—не безрасудная лѣнь, а кажется кое-что другое, о чемъ конечно говорить не всегда кстати, но что безъ сомнѣнія извѣстно многимъ, кто тщательнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, соблюдаетъ расчетъ рабочихъ часовъ въ своей экономіи. Впрочемъ объ этомъ предметѣ я уже говорилъ въ предыдущей статьѣ, и чтобы не возвращаться къ нему болѣе, скажу, что малорусскій крестьянинъ не перестаетъ трудиться всю свою жизнь, исключая тѣхъ пьяницъ и лѣнтяевъ, которые попадаются въ каждомъ племени.

Малорусь очень набоженъ, чему конечно можетъ служить доказательствомъ вся исторія козачьихъ войнъ, имѣвшихъ цѣлю защищать православіе. Духовенство малорусское, изстари бывшее образованнымъ, не допустило слѣпому фанатизму обуять народомъ, который, вѣруя въ своихъ пастырей, и послушный ихъ наставленіямъ, не оказалъ никакого сопротивленія новымъ переводамъ священнаго писанія, и не пустилъ ни малѣйшаго отпрыска раскола. Забожиться изъ корысти или напрасно малорусь

считаетъ
сихъ еще

Не см
мя сохра
духовен
стіанства
менѣе со
ятно, бы
венство,
многія ко
дошло до
день Рож
зываются
обычай, с
наканунѣ
убогая, м
имъ сред
Кромѣ об
ную *кут*
нымъ обр
сливъ, гр
въ хатѣ,
шаетъ ко
ное накры
уголь на
бы въ не
ника. Пр
шихъ чле
ковъ) за
печки два
кутя на п
редній уг
воривъ ок
иди до на

Послѣ ч
та подает
медовою с

(*) Крупа
на, а только

считаетъ грѣхомъ; посты соблюдаетъ строго, а воровство и до сихъ еще поръ считается однимъ изъ омерзительныхъ пороковъ.

Не смотря однако же на свою набожность, малорусское племя сохранило нѣкоторые языческіе обряды, мимо преслѣдованія духовенства, хлопчущаго еще съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Обряды колядованія и празднованія Купала болѣе или менѣе сохранились на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Колядки, вѣроятно, были до такой степени необходимы для народа, что духовенство, потерявъ надежду искоренить этотъ обычай, сочинило многія колядныя пѣсни въ духѣ христіанства, и такихъ болѣе дошло до нашего времени. Колядуютъ обыкновенно на первый день Рождества и подъ новый годъ, только послѣднія пѣсни называются *щедривками*. Прежде однакоже опишу кутью, какъ обычай, существующій повсемѣстно. Оканчивая Филипповъ постъ, наканунѣ Рождества, 24 декабря, малороссіянка, даже самая убогая, хлопчеть о приготовленіи ужина, роскошнаго по своимъ средствамъ. Канунъ Рождества называется *святъ-вечірѣ*. Кромѣ обычныхъ кушаньевъ варить она ячменную или пшеничную *кутью*, т. е. кашу изъ крупъ, приготовленныхъ особеннымъ образомъ (*) и *узварѣ* изъ сушеныхъ плодовъ: вишень, сливъ, грушъ, яблокъ. Съ первой звѣздой семейство собирается въ хатѣ, мѣняетъ бѣлье, одѣвается по праздничному, приглашаетъ кого изъ родныхъ или убогихъ, и начинается торжественное накрытіе стола. Затѣмъ вливъ восковую свѣчу, въ передній уголь на лавкѣ подъ образами настилаютъ сѣна, стараясь, чтобы въ немъ было какъ можно болѣе желтыхъ цвѣтковъ беземертника. При выниманіи изъ печи *узвара*, кто нибудь изъ старшихъ членовъ семейства беретъ небольшихъ *хлопцовѣ* (мальчиковъ) за *чуприны*, чтобы куры были хохлатыя. Перенося изъ печки два обрядныя блюда, обыкновенно приговариваютъ: «Собѣ кутя на пакуть, а узваръ на базаръ» и ставятъ горшки въ передній уголь. Затѣмъ хозяинъ, выйдя на порогъ сѣней или отворивъ окно, приглашаетъ морозъ на ужинъ: «Морозе, морозе, иди до насъ куті іети, та не поморозъ нашої гречки.»

Послѣ чего все садятся за столъ и ужинаютъ. вмѣсто десерта подается сперва узваръ, а потомъ кутья, которую ѣдятъ съ медовою сытою.

(*) Крупа для куты готовится въ ступѣ, такъ чтобы не раздроблять зерна, а только снять съ него шелуху.

Въ первый день Рождества, передъ вечеромъ, дѣти собираются толпами и колядуютъ передъ окнами, т. е. поютъ обрядныя пѣсни. Каждый хозяинъ даетъ имъ за это: кусокъ сала, колбасу, паляницу или что нибудь съѣстное. Потомъ слѣдуютъ уже взрослые, собираясь артелями. Въ моемъ малорусскомъ словарѣ, при словѣ *колядка* я помѣстилъ нѣсколько изъ этихъ обрядныхъ пѣсень, которыя вообще, надо сказать правду, мало по малу исчезаютъ. Голоса у нихъ хотя и оригинальны, однако довольно однообразны, и я полагаю, очень древни, потому что какимъ бы переѣмамъ ни подвергался текстъ, напѣвъ болѣе или менѣе остается неизмѣннымъ. Раздѣляются онѣ на мужскія, женскія и дѣтскія. Послѣднія не рѣдко бываютъ шуточные, хотя и на пѣсни взрослыхъ существуютъ пародіи. Пѣсни эти отличаются еще тѣмъ, что за каждымъ куплетомъ (исключая дѣтскихъ колядокъ) слѣдуетъ припѣвъ: «*Святий вечеръ*». Не случилось мнѣ слышать упоминанія о языческомъ божествѣ, но если въ нихъ говорится объ оружій, то воспѣваются лукъ и стрѣлы, а если о монетахъ,—то *шелягъ*.

Наканунѣ новаго года на *меланки* готовится точно такой же ужинъ, какъ и наканунѣ Рождества, т. е. съ узваромъ, съ тою только разницею, что прочія кушанья варятся скоромныя, а въ особенности *вареники*. Ужинъ этотъ называется *багатый вечеръ*. Дѣти, молодежь и даже семейные люди передъ вечеромъ ходятъ *щедровать*, и пѣсни, распѣваемые въ это время, называются *щедривки*, подраздѣляемыя на мужскія, женскія и дѣтскія. За каждымъ куплетомъ—припѣвъ: «щедрий вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на здоровье.» Здѣсь также составляются артели и избирается *михоноша*, которому ввѣряютъ всѣ подарки, состоящіе изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Отъ продажи всѣхъ этихъ подарковъ выручается иногда небольшая сумма, на которую молодежь устраиваетъ себѣ пиръ. Въ собраніи малорусскихъ пѣсень, которое надѣюсь издать по пріѣздѣ въ Петербургъ, я помѣщу возможные колядки и щедривки, какія только удалось мнѣ записать въ разное время. Въ особенности теперь, благодаря Морское Министерство, доставившее мнѣ средство жить въ приднѣпровскихъ селахъ, я значительно пополнилъ свои этнографическіе сборники, объемъ которыхъ увеличится еще болѣе, когда я проѣду и проживу по берегамъ Днѣстра, начиная съ Каменецъ-Подольской губерніи.

На сам
бравъ въ
«На счас
пашнищю
5-го я
подъ назв
оттого, чт
послѣ чег
окончани
Въ прежн
еще я пом
объ уголь

Немного
вающее 25
Малоросси
этотъ вече
костры, с
дится. В
ство, въ
вѣнкахъ,
этимъ пре
большихъ
пѣсни, и с
загадывает
бѣжавши
рознятся—
же руки ра
лагаеть, ч
ляющіяся в
эту ночь на
достережені
Благодаря
мы не знаем
вольствуем
наго быта в

(*) Объ этой
сообщи о ней в
вблизи Кіева.

На самый новый годъ мальчишки ходять по домамъ и, набравъ въ рукавицу разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, приговариваютъ: «На счастья, на здоровья, роди Боже жито, пшеницю и усяку пашницю! будьте здорови зъ Новимъ годомъ и зъ Василямъ.»

5-го января, наканунѣ Крещенія, бываетъ послѣдняя *Кутя*, подъ названіемъ *голодная*; названіе это вѣроятно происходитъ оттого, что народъ не принимаетъ пищи до освященія воды, послѣ чего подается обѣдъ, служащій вмѣстѣ и ужиномъ. По окончаніи трапезы хозяинъ выходитъ на дворъ *прогонять кутю*. Въ прежнее время, это дѣлалось выстрѣлами изъ ружей, что еще я помню, а теперь ударомъ макогона или просто полѣна объ уголь дома.

Немного данныхъ представляетъ и празднованіе Купала, бывающее 25 іюня. Лѣтъ двадцать назадъ, въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи, еще я очень хорошо помню пылающіе костры въ этотъ вечеръ, и молодежь въ вѣнкахъ, прыгающую чрезъ эти костры, со множествомъ обрядныхъ пѣсень. Теперь это выводится. Въ настоящемъ году мнѣ удалось видѣть это празднество, въ которомъ участвовали дѣти и взрослые, хотя и въ вѣнкахъ, однако безъ пѣнія. Впрочемъ я дѣятельно занимался этимъ предметомъ, разузнавалъ въ деревняхъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, гдѣ Купало еще празднуется и существуютъ пѣсни, и спѣшилъ ихъ записывать. При этомъ обрядѣ молодежь загадываетъ. Парень съ своей подругой берутся за руки и, разбѣжавшись, прыгаютъ черезъ костеръ; если руки ихъ не разрознятся—значитъ свадьба ихъ не подлежитъ сомнѣнію; если же руки разойдутся—ихъ ожидаютъ препятствія. Народъ полагаетъ, что золу съ купальнаго костра берутъ *вѣдьмы*, отправляющіяся въ этотъ вечеръ на *Лысую гору* (*) на шабашъ. Въ эту ночь народъ ставитъ на окнахъ *жалкую* крапиву, въ предостереженіе отъ *вѣдьмъ*, которыя тогда злѣе обыкновеннаго. Благодаря нелюбознательности предшествовавшихъ поколѣній, мы не знаемъ ни начала, ни значенія этихъ обычаевъ; и довольствуемся надеждою, что при тщательномъ изученіи народнаго быта въ дальнихъ захолустьяхъ, можетъ быть, удастся

(*) Объ этой Лысой горѣ я постараюсь представить подробное описаніе, и сообщу о ней все, что можно только собрать на мѣстѣ. Она находится въ бору вблизи Кіева.

напасть на слѣды, могущіе изъяснить кое-что изъ обрядовъ древности.

Въ словарь моемъ, первый выпускъ котораго уже напечатанъ, я сказалъ вкратцѣ о *вѣдмахъ*, что можно было сказать въ изданіи подобнаго рода. Надо прибавить, что повѣрья эти повсемѣстны не только между грамотными и неграмотными простолюдинами, но и между мелкимъ дворянствомъ, получившимъ плохое образованіе. Вѣдьмы раздѣляются на двѣ категоріи: природныхъ и ученыхъ. Природная получаетъ знаніе по наслѣдству и родится, какъ говоритъ повѣрье, съ хвостомъ. Она отправляетъ ремесло свое, т. е. доить чужихъ коровъ, безъ особаго вреда ближнему, развѣ уже вынуждена напасть на когонибудь. Ученая вѣдьма, т. е. женщина, изучившая по какомунибудь случаю это ремесло, злѣе природной и старается вредить каждому. Кромѣ того, что она доить чужихъ коровъ, но и портитъ ихъ по злобѣ на хозяина или хозяйку. И та, и другая умѣетъ принимать на себя образъ животнаго: кошки, собаки, свиньи, или неодушевленнаго предмета: клубка, колоды. Во время ночныхъ своихъ походовъ ходятъ онѣ въ однѣхъ рубахахъ съ распушенными волосами. Я встрѣчалъ многихъ серьезныхъ отцевъ семейства, которые рассказывали мнѣ, что въ молодости не разъ приходилось имъ носить вѣдьмъ на плечахъ. Конечно это дѣйствіе воображенія, воспламененнаго лишнею чаркою водки. Подгулявшій *парубокъ* возвращается ночью въ томъ состояніи, когда глаза принимаютъ одинъ предметъ за другой; воображеніе, настроенное суевѣрными рассказами, работаетъ.... Парню чудится, что клубокъ катается подъ его ногами; онъ приходитъ въ испугъ; какаянибудь невинная свинья попадаетъ на дорогѣ, онъ бѣжитъ, и ему уже чудится, что у него на спинѣ вѣдьма. Существованіе же доительницъ чужихъ коровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это женщины убогія, неимѣющія коровъ, а любящія полакомиться на чужой счетъ, которыя, распустивъ волосы, въ одной рубашкѣ, отправляются подоить чужую корову, что весьма легко исполнить при деревенскомъ образѣ жизни, гдѣ все на распашку. Нѣтъ сомнѣнія, что подобные случаи довольно рѣдки, однако же попадаются по временамъ. Вѣдьму народъ называетъ *зла мочина*. Разказы о вѣдмахъ встрѣчаются въ каждой деревнѣ, независимо оттого, что онѣ играютъ роль во многихъ сказкахъ. Вѣдьма вылетаетъ

въ тру
на по
ды, р
за что
пруд
видате
что вѣ
до тѣх
Говоря
гроба
ствій,
му осн
гроба.
ють во
ся въ
оборот
повтор
были о
охотни
начали
ники (
чиновъ
кулакам
что и в
Руса.
Это, по
ки жене
волосы
ная нед
вается е
простона
бы защ
очень по
Дидько
вается ст
но чаще
ми глаза
тмий, т
Зидни,

въ трубу, помазавъ подъ мышками какою-то жидкостью, и ѣдетъ на помелѣ, на ступѣ, на лопатѣ. Она похищаетъ мѣсяцъ, звѣзды, росу. Отъ послѣдняго обстоятельства бываетъ бездождіе, за что въ прошломъ еще столѣтіи топили вѣдьмъ въ рѣкахъ и прудахъ. *Старшій* ихъ живетъ на Лысой горѣ, гдѣ всѣ онѣ видятся разъ въ годъ во время шабаша. Существовало повѣрье, что вѣдьма кончается очень долго, и что не можетъ умереть до тѣхъ поръ, пока не прорубятъ потолка у нея надъ головою. Говорятъ, что вѣдьма имѣетъ обычай выходить ежедневно изъ гроба и посѣщаетъ домъ свой. Для прекращенія этихъ путешествій, въ прежнія времена откапывали гробъ и пробивали вѣдьму осиновымъ коломъ, послѣ чего она уже не выходила изъ гроба. Не менѣе важную роль въ народныхъ повѣрьяхъ играютъ *вовкулаки*, мужчины, обладающіе способностью обращаться въ волковъ и душировать овецъ. Вовкулака по злобѣ можетъ оборотить въ волка и другаго человѣка. Есть преданіе, и оно повторяется на разныхъ мѣстностяхъ, что свадебные поѣзды были обращаемы въ стадо волковъ и такъ погибали. Однажды охотники будто бы убили нѣсколько такихъ волковъ, и когда начали снимать съ нихъ шкуры, то подъ шкурами нашли *рушники* (полотенца), необходимую принадлежность нѣкоторыхъ чиновъ свадебной процессіи. Въ отношеніи похоронъ и съ вовкулаками поступали также, какъ съ вѣдьмами. *Упирь* тоже, что и вовкулака.

Русалки или *мавки* еще не исчезли изъ народнаго повѣрья. Это, по мнѣнію малоруса, дѣти, умершія некрещенными. Русалки женскаго рода живутъ въ водѣ, имѣютъ длинныя зеленыя волосы и выходятъ ночью на берегъ грѣться на мѣсяцѣ. Зеленая недѣля, кромѣ двухъ названій *Святой* и *Клечаной*, называется еще и *Русальною*, потому что въ это время, по мнѣнію простонародія, русалки преимущественно завлекаютъ людей, чтобы зачекотать ихъ на смерть. Въ сказкахъ онѣ очеркнуты очень подробно и живутъ въ пышныхъ чертогахъ подъ водою.

Дідько (домовой) не имѣетъ опредѣленнаго образа и смѣшивается съ сатаною, который принимаетъ на себя разные виды, но чаще всего представляется или чернымъ котомъ съ огненными глазами, или чернымъ пѣтухомъ. *Дідько*, чортъ, *дьяволъ*, *болотяний*, *пресподенный*—вотъ названія чорта.

Злидні, маленькія существа неопредѣленной формы; но если

у кого заведутся—будь у самаго богатаго человѣка,—то убожество водворяется въ томъ домѣ.

Кромѣ этого, множество еще повѣрій о кладахъ, зарытыхъ въ землю, и повѣрья эти въ разныхъ мѣстахъ разсказываются по своему. Общій ихъ характеръ тотъ, что гдѣ нибудь на могилѣ (курганѣ), по ночамъ горитъ свѣча. Иногда впрочемъ на курганѣ сидитъ сопливый старикъ. Стоитъ подойти къ этому старику и изъ состраданія утереть ему носъ, какъ дѣдъ мгновенно разсыпается талерами и червонцами. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ Малороссiи и въ мѣстахъ Новороссiи, гдѣ жили запорожцы, есть клады, зарытые въ землю во время непрерывныхъ смуть и набѣговъ, чему служитъ доказательствомъ то, что иногда случайно вырываютъ сосуды съ деньгами. Народъ увѣренъ однако же, что не каждый кладъ дается, потому что зарывшій его—проклялъ, и будто бы, докопавшись до сундука или котла, искатель видитъ, какъ драгоценный кладъ постепенно опускается ниже. Надо, утверждаетъ народъ, умѣть разрѣшить заклятіе. При археологическихъ занятiяхъ я выслушивалъ множество легендъ о кладахъ, и случалось, что разрывалъ тѣ самые курганы, о которыхъ носилась молва, какъ о мѣстахъ, гдѣ зарыты клады,—однако никогда не находилъ ничего подобнаго.

На иныхъ мѣстностяхъ многочисленны разсказы о разбойникахъ, которыхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтiя было множество. Кромѣ того, что полиція тогда была весьма слабо устроена, Новороссiя весьма малонаселена, но существованію разбойниковъ была еще одна историческая причина. По разоренiи Сѣчи и уничтоженiи войска Запорожскаго, та часть козаковъ, которая осталась въ краю, заключала въ себѣ множество удалцевъ, не имѣвшихъ ни кола ни двора. Сдѣлаться простымъ поселяниномъ или регулярнымъ солдатомъ запорожцу не хотѣлось, и они составили шайки, жившія по дугамъ днѣпровскимъ, отчего и произошло названіе *лугарей*. Лугъ по-малорусски значить не степь, но прибережье рѣки, поросшее лѣсомъ. Я это объяснилъ въ своемъ словарѣ. Лучшимъ доказательствомъ служить нѣсни: «То не вербы луговiй зашуміли»; «Ой у темнiмъ лузі не сизая зозуля кувала»; «Ой не шуми луже»! Не находя большой поживы въ своемъ малонаселенномъ краю, лугари устремлялись въ сосѣднія губерніи, и какъ это были разбойники, сохранившіе еще воинскій порядокъ и дисциплину, то съ ловкимъ

атаманомъ
ныхъ ком
ватажко
нѣ еще
разбойни
входили
ли въ ду
ли иногда
приводя
ребье ро
населенiя
себѣ, вел
на данной
о нихъ н
но не уд

Нельзя
щемъ въ
по берегу
вощикъ,
вары лиш
за солью,
го, почти
тасть хлѣ
ремесло г
только бе
это возни
запорожье
ли прибѣ
Обозы изв
скаго и по
въ Кодакт
Никитином
ли Самаре
на Перекол
отправляли
ки не пре
рыхъ воле
личную упр
крестьянинъ

атаманомъ или *ватажкомъ*—не боялись даже преслѣдованія военныхъ командъ и обманывали бдительность стражи. Имена такихъ *ватажковъ*, какъ: Мамай, Гаркуша, Копитько, Рябчикъ и по нынѣ еще живутъ въ народной памяти. Замѣчательно то, что эти разбойники никогда не обижали бѣдныхъ (ляхи и жида не входили въ расчетъ), но брали дань съ богатыхъ, и дѣйствовали въ духѣ исправительной полиціи. Разумѣется, они совершали иногда ужасныя злодѣйства и изобрѣтали муки и пытки, приводящія въ содроганіе. Въ эти шайки поступало жалкое отребье рода человѣческаго. Но все это прекратилось частью отъ населенія края, частью отъ благоустройства, а частью само по себѣ, влѣдствіе условій, съ теченіемъ времени возникающихъ на данной мѣстности. Странное однако же обстоятельство, что о нихъ не сохранилось пѣсень, которыя и были, безъ сомнѣнія, но не удержались въ народѣ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ сословіи, существующемъ въ Малороссіи, и котораго лучшія селенія расположены по берегу Днѣпра—именно о *чумакахъ*. *Чумаки* собственно извожикъ, но съ тою только разницею, что перевозитъ чужіе товары лишь при случаѣ, а главная цѣль его—ходить въ Крымъ за солью, а на Донъ за рыбою. Истинный чумаки, какихъ немного, почти не занимается земледѣліемъ, но каждый изъ нихъ считаетъ хлѣбопашество дѣломъ второстепеннымъ, потому что его ремесло гораздо прибыльнѣе и даетъ ему возможность жить не только безбѣдно, но даже съ нѣкоторою роскошью. Сословіе это возникло, можетъ быть, вѣка два съ половиною, когда уже запорожье правильно организовано и зимовники послѣдняго были прибѣжищемъ для чумаковъ въ этихъ безводныхъ степяхъ. Обозы изъ гетманщины тянулись по землямъ войска запорожскаго и переправлялись черезъ Днѣпръ: слѣдовавшіе на Донъ—въ Кодакъ у перваго днѣпровскаго порога; а въ Крымъ,—въ Никитиномъ перевозѣ (нынѣшнемъ Никополѣ). Первые чрезъ земли Самарской паланки приходили на Донъ, а послѣдніе—шли на Перекопъ. Разумѣется тогдашніе чумаки были вооружены и отправлялись въ степь большими партіями. Теперь эти поѣздки не представляютъ никакой опасности. Купивъ пары двѣ добрыхъ воловъ, снарядивъ два хорошихъ воза, приобрѣтя отличную упряжь, и запасшись нѣсколькими десятками рублей, крестьянинъ отправляется чумаковать въ сотовариществѣ людей

бывалыхъ и опытныхъ. Путешествія эти начинаются съ весною, когда уже появляется въ степи подножный кормъ. Каждая *валка* чумаковъ (нѣсколько телѣгъ вмѣстѣ) избираетъ себѣ атамана, который идетъ впереди, опредѣляетъ мѣсто попасовъ, ночлеговъ—однимъ словомъ распоряжается всѣмъ, что относится къ путешествію. Въ прежнія времена, и не такъ еще давно, на возу атамана сидѣлъ всегда пѣтухъ, котораго чумаки брали съ собою для указанія времени. У чумаковъ все съ собою: не говоря уже о запасной оси, о топорѣ, о дровахъ,—по возможности берутся даже нѣкоторыя хозяйственные мелочи. Выходя съ пустыми возами, чумаки направляются въ какойнибудь торговый городъ, если можно портовый, а преимущественно въ Кременчугъ, гдѣ они надѣются взять какуюнибудь кладь: въ Крымъ, Херсонъ, Одессу, Бессарабію,—однимъ словомъ, куда угодно, только на югъ, хотя бы и за 500 верстъ отъ прямой своей дороги. Наваливъ телѣги, валка отправляется своимъ медленнымъ шагомъ, имѣя въ виду несомнѣнную прибыль. Волъ не требуетъ ни сѣна, ни овса, а довольствуется подножнымъ кормомъ. И теперь, когда уже съ чумака берутъ за попасъ воловъ, за водопой,—дорога ему обходится очень дешево. За право пасти воловъ въ степи взимается по 5 к. сер. съ пары. Доставивъ товаръ на мѣсто, чумакъ получаетъ чистыя деньги и ищетъ снова возможности не идти порожнемъ по своему направлению. Удастся ли ему или нѣтъ эта попытка, но все уже онъ заработалъ столько, что если приложить немного своихъ денегъ, то можетъ закупить соли въ Крыму,—и отправляется обратно. Какая бы цѣна ни была въ Перекопѣ, чумакъ продаетъ соль дома на ярмаркахъ почти вдвое, а если пустить ее въ раздробъ въ деревнѣ—непремѣнно получить большую выгоду. За весну, лѣто и осень порядочный чумакъ совершаетъ нѣсколько поѣздокъ, которыя съ избыткомъ вознаграждаютъ его, и даютъ ему чистыя деньги. Если чумакъ и не найдетъ себѣ клади по дорогѣ, и поѣдетъ прямо за солью или рыбой, покупая эти товары на собственные деньги, то и въ такомъ случаѣ остается въ большихъ барышахъ, потому что и соль, и рыба необходимы въ быту крестьянина. Рыба, привозимая чумаками, состоитъ преимущественно изъ тарани, чебака, чехони, и семги; иногда привозятся и сельди. Почти въ каждомъ малорусскомъ селеніи попадаются чумаки, но есть деревни, въ которыхъ жи-

тели
осоо
баш
съ
вы
дѣл
въ
для
ком
га,
сам
въ
бом
при
въ
мак
стен
съ
оча
вол
Тут
ма.
гда
бол
рон
раб
ганя
тава
бати
шел
лом
бы
бра
как
щам
на

тели преимущественно *чумакують*. Все это народъ видный, въ особенности приднѣпровцы. Въ своихъ вышитыхъ на груди рубашкахъ, неизмѣримыхъ шараварахъ, которыя все въ смоль, и съ длинными *чупринами*, они чрезвычайно оригинальны. Бѣлье, вымазанное дегтемъ, не должно относить къ неряшеству;—это дѣлается нарочно, во-первыхъ потому, что чумаки идутъ въ край, въ которомъ въ прежнее время существовала чума, въ вторыхъ для того, чтобы въ дорогѣ не завелась *нужа* (извѣстная насѣкомья). Это особый типъ. Чумаки по ремеслу, отъ дѣда и отца, мальчиномъ еще ходившій въ дорогу,—во всемъ, даже въ самой наружности, принимаетъ особый характеръ. Степная жизнь въ пустыняхъ, постоянное кочевье, ночлеги подъ открытымъ небомъ, бесѣды у огонька, одинокое ночное хожденіе на сторожѣ при волахъ, и пѣсни, зачастую импровизируемыя тутъ же въ степи кѣмънибудь изъ товарищей,—все это кладетъ на чумака особый отпечатокъ. Пѣсни этого сословія, полныя своей степной поэзіи, ближе всего подходятъ къ козачьимъ пѣснямъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ иной упоминается о карихъ очахъ любимой дѣвушки. Преимущественно же воспѣваются степь, волаы, кочевая жизнь, гулянка, грустное какое-нибудь событіе. Тутъ и въ дѣйствительности совершается иногда глубокая драма. Проѣзжая по степнымъ пространствамъ Новороссіи, вы иногда видите надъ трактовой дорогой гдѣ-нибудь на курганѣ, небольшой крестъ: это лежитъ чумаки, умершій въ пути и похороненный своими товарищами. Случается, что парень-сирота, работникъ богатаго хозяина, идетъ въ дорогу «чужіи воли поганяе, думаетъ-гадаетъ», а у него въ деревнѣ осталась дѣвушка, такая же бѣдная, которая тоже груститъ въ разлукѣ. Они любятъ другъ друга. Черноокая на заработанные деньги покупаетъ шелкъ или цвѣтную бумагу и вышиваетъ *хустку* (платокъ) милому, а онъ странствуетъ по степямъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы скорѣе сдѣлаться самому хозяиномъ и соединиться съ избранной сердцемъ. Но его настигаетъ болѣзнь.... средствъ никакихъ нѣтъ, и бѣднякъ погибаетъ въ степи, оплаканный товарищами, которые, закутавъ его въ рогожу, хоронятъ гдѣ-нибудь на курганѣ.

Ревнули воли въ новому ярмі,
Поховали чумаченька въ чужій стороні.

Осиротѣла черноокая. Чрезъ нѣсколько времени выходитъ она за другаго; но случается, что чумаки, снова отправляясь въ Крымъ, прибываютъ къ убогому кресту погибшаго новую *хустку*, которую щадить даже рука, неважающая чужой собственности. Въ чумацкихъ пѣсняхъ передается много происшествій изъ этой степной, исполненной поэзіи, жизни. Голоса этихъ пѣсень грустны, но мелодичны, и нерѣдко въ степи раздается такой теноръ, который былъ бы замѣтенъ и на столичной сценѣ. Чумаки Курской и Воронежской губерній отправляются и на сѣверъ; но это уже чумаки, лишенные колорита, замѣчаемаго на приднѣпровскихъ: нѣтъ ни той щеголеватости въ костюмѣ, ни той роскоши въ волахъ, возахъ и упряжи, — наконецъ совершенно другая наружность.

Образъ жизни малоруса самый простой, однако не лишенный нѣкоторыхъ удобствъ, которыхъ не встрѣчается у великоруса. Чистота и опрятность жилища — первое условіе, пріятно поражающее путника, а второе — разнообразіе пищи, которую самая убогая хозяйка приготовляетъ два раза въ день. Даже въ дорогѣ малорусъ не можетъ обойтись безъ горячей пищи, что замѣтилъ каждый, кто проѣзжалъ по степямъ, на которыхъ останавливаются обозы и готовятъ себѣ обѣдъ или ужинъ. Изобиліе птицы, рыбы и овощей даетъ возможность малороссіянкѣ разнообразить свои блюда. Въ скоромные дни она готовитъ: борщъ, *юшку* (уху), *локишину* (лапшу), кашу молочную и простую, *кулішъ* (кашицу), *галушки*, *вареники*, жаритъ жаркое, печетъ хлѣбъ, *паляниці*, *буханці*, *книші*, *коржі*. Въ постные дни тѣ же кушанья, замѣняя мясо рыбою, а творогъ, масло и молоко, — макомъ, *урдою*, постнымъ масломъ. Морковь, картофель, петрушка, лукъ, чеснокъ, укропъ, кукуруза, тыква, свекла, капуста и огурцы помогаютъ ей приправлять свои кушанья. Въ лѣтнее время сады и бакши даютъ возможность лакомиться. Плоды до того бываютъ дешевы, что и бѣдняку, неимѣющему бакши, легко можно пріобрѣсти пару дынь и арбузовъ, потому что и то и другое можно купить по грошу.

Съ восьми лѣтъ крестьянскій мальчикъ поступаетъ уже на работу: пасетъ скотъ или погоняетъ воловъ при паханьи, и, переходя постепенно къ болѣе тяжелымъ работамъ, достигаетъ совершеннолѣтія, женится и дѣлается хозяиномъ. Дѣвочка тоже около 7 или 8 лѣтъ учится прясть, гоняетъ скотъ въ поле,

нявьяит
переста

Меж,

равнят

желани

однако

ному с

послед

чера—

на кото

леко за

(см. сл

слегка

сходки

ной бл

въ быт

неприл

господ

просто

ченіям

жизни?

неужел

потому,

добныя

болѣе,

прещат

тайкомъ

ные вра

шекъ,

также

уже вы

Обыч

по прив

мѣстно,

въ круг

стяхъ п

ществен

чти нео

у козак

нанячить меньшихъ дѣтей, полетѣть огородъ, и такимъ образомъ перестаетъ быть въ тягость родителямъ.

Между молодежью сердечная склонность обнаруживается съ равнаго возраста, и любящіяся—болѣе или менѣе достигаютъ желанной цѣли. Конечно и у простолюдиновъ не безъ разчета, однако чаще парень и дѣвушка вступаютъ въ бракъ по обоюдному согласію. Въ молодости у малоруса любовь играетъ не послѣднюю роль въ жизни. Все свободное время, особенно вечера—молодежь вмѣстѣ. Лѣтомъ гульбище называется *улица*, на которую выходятъ *парубки* и *дѣвчата*, и поютъ иногда далеко за полночь. Всѣ эти сходки я описалъ въ моемъ словарѣ (см. сл.: *Вечерниці, Досвітки, Грище*). Упомянулъ я также слегка и о томъ, что многія власти строго преслѣдуютъ эти сходки молодежи, видя въ этомъ что-то дурное, по своей странной близорукости. Не понимая народныхъ обычаевъ, не вникая въ быть народный, иному господину конечно можетъ казаться неприличнымъ ночное гулянье молодежи, тѣмъ болѣе, если этотъ господинъ примѣняетъ здѣсь свои собственные понятія; но развѣ простолюдинъ не долженъ уже пользоваться никакими развлечениями, сообразными съ его возрастомъ, средствами и образомъ жизни? Весною цвѣтеть и апельсинъ, и дикая лѣсная яблоня; неужели же у послѣдней слѣдуетъ обрывать цвѣтъ, собственно потому, что утонченному вкусу не нравятся лѣсныя яблоки? Подобныя мѣры скорѣе повлекутъ за собою деморализацію, тѣмъ болѣе, что народныя гульбища происходятъ открыто, а если запрещать ихъ, то молодежь будетъ находить средства видѣться тайкомъ, что безъ сомнѣнія вреднѣе подѣйствуетъ на общественныя нравы. Касательно же нравственности малорусскихъ дѣвушекъ, можно пожелать, чтобы у прочихъ племенъ она была также безукоризненна. Впрочемъ объ этомъ обстоятельствѣ я уже высказалъ въ предыдущей статьѣ плоды моихъ наблюдений.

Обычай куренія табаку, перешедшій въ Малороссію вкорѣ по привозѣ этого растенія изъ Америки, распространенъ повсемѣстно, и потому воздѣлыванье низкихъ сортовъ табаку входитъ въ кругъ дѣйствія почти каждой хозяйки. На рѣдкихъ мѣстностяхъ простолюдины воздѣлываютъ его для продажи, а преимущественно для собственного употребленія. *Лялька* (трубка)—почти необходимая принадлежность малоруса, а въ прежнее время у козака она замѣняла всѣ наслажденія. Въ одной пѣснѣ пре-

красно выражена любовь къ трубкѣ. Стройно, подь горою идутъ козаки. Впереди Дорошенко, за нимъ хорунжій, а позади сагайдачный,

Що промінявъ жінку
За тютюнъ, за люльку
Необашний!

«Ой вернися, Сагайдашній,
Возьми свою жінку,
Одай мою люльку,
Необашний!

«—Мині жінка не годитьця,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорозі
Знадобитьця!»

«Ой хто въ лісі озовися,
Да выкрешемъ огню,
Да запалимъ люльку—
Не журися!»

О судоходствѣ и рыболовствѣ я не упоминаю въ этомъ общемъ очеркѣ, потому что буду говорить объ этихъ предметахъ обширнѣе и подробнѣе собственно при описаніи деревень, лежащихъ по берегамъ рѣкъ, на которыя посланъ я для изученія народнаго быта.

НА
Прожидки Ст
Нѣскольк
Новымъ Ка
ловица, зим
ныя мызы,
нимался ры
ловодствомъ,
иной разъ д
ми имѣли пр
писанные «с
дать въ кош
ности. Полов
надцати огь
та, по котор
вали на Донѣ
сивымъ, изоб
плавнямъ и ост
и приволья. З
комъ, и, по
лица, завель
чи. Множеств
ской по балка
ли уединенны
ствомъ, какъ
не одинъ; у нег
готовящихся и